ISBN 978-601-227-300-7

ТИМОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

I-я ПРАВОСЛАВНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Костанай
2022

УДК 27
ББК 86.372
Т 41

Рекомендовано к печати Комитетом по делам религий Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан №3Т-2022-02014271 от 27.07. 2022 года

Редакционная коллегия
Председатель: иеромонах Геннадий (Бурдюжа), секретарь Костанайской и Рудненской епархии

Члены редколлегии:
- Иерей Андрей Крутин, руководитель отдела по канонизации святых Костанайской и Рудненской епархии
- Ковалева А. О., заведующая канцелярией Костанайской и Рудненской епархии
- Курлов С. И., ст. преподаватель Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынова
- Чулков В. В., сотрудник информационного отдела и отдела по канонизации святых Костанайской и Рудненской епархии

Т41 **Тимоновские чтения**: материалы I-й Православной международной научно-практической конференции, 3-4 июня 2022 г. – Костанай: МРО «Костанайская и Рудненская епархия Православной Церкви Казахстана», 2022 – 104 с.

ISBN 978-601-227-300-7

В данном сборнике представлены материалы I-й Православной международной научно-практической конференции «Тимоновские чтения», прошедшей 3-4 июня 2022 года в г. Костанае и посвященной 150-летию со дня рождения Кустанайского первосвятителя, исповедника веры епископа Тимона (Русанова).

В сборнике собраны научные статьи по истории Православия на Костанайской земле, доклады и публикации, посвященные актуальным вопросам религиозного образования и литературного творчества. Также в сборник вошли литературные произведения на православную тематику. Материалы конференции будут полезны историкам, краеведам, научным работникам, а также всем тем, кто интересуется вопросами православного образования и литературного творчества.

ISBN 978-601-227-300-7 УДК 27
ББК 86.372

© МРО «Костанайская и Рудненская епархия Православной Церкви Казахстана», 2022

Организаторам и участникам
международной научно-богословской 1-й конференции
«Тимоновские чтения», посвященной
150-летию со дня рождения
епископа Кустанайского Тимона (Русанова)

Всечестные отцы, дорогие братья и сестры!

Приветствую организаторов и участников первой международной научно-богословской конференции «Тимоновские чтения», посвященной 150-летию со дня рождения епископа Кустанайского Тимона (Русанова).

«Род проходит, и род приходит» (Екк. 1:4) и течение времени отдаляет нас от тех страшных лет, когда богоборческая власть проводила по всей стране политику тотального уничтожения Православной Церкви. Нынешнее молодое поколение священнослужителей и мирян, по счастью, уже не имеет печального опыта переживания тех горестей, с которыми неизбежно приходилось сталкиваться тем, кто решался открыто исповедовать веру Христову в атеистическое время. Но, слава Богу, память о страдальцах за Евангельскую

истину жива, их почитание в православном народе год от года возрастает. Кто бы мог подумать, что именно XX век станет для Церкви и Отечества годиной тяжких испытаний и кровавых репрессий, с которыми не могут сравниться ужасы языческих времен. Вся злоба врага рода человеческого обрушилась на тех, кто старался жить по Божиим заповедям, кто не отрекся от Христа. Именно тогда земля Казахстана стала новой Голгофой для бесчисленного множества православных христиан – архипастырей, пастырей, монашествующих и мирян. Здесь столь обильно пролилась кровь новомучеников и исповедников, что эти края, по слову приснопамятного Святейшего Патриарха Алексия II, поистине стали «Антиминсом, распростертым под открытым небом». Поэтому Казахстан дорог сердцу каждого человека, который чтит подвиг страдальцев за веру, любит Православие, дорожит историческим наследием Церкви.

Епископ Кустанайский Тимон (Русанов), в честь которого организована и названа эта конференция, в ту тяжелую эпоху восприняв крест архипастырского служения, стал одним из столпов веры и благочестия, борцом с безбожием и расколом, бесстрашным проповедником правды Божией и обличителем неверия. Всматриваясь в образ приснопамятного святителя, изучая детали его жизни, анализируя поступки и особенности характера, мы вдохновляемся нетленной красотой горнего мира, которая нам является в его личности, и стремимся приблизиться к духовной радости богообщения, которую стяжал иерарх. «Любовь Божия, озаряющая праведника, излучаясь уже от него, может быть созерцаема и другими, не достигшими духовности людьми», – говорит священник-философ отец Павел Флоренский.

Ныне, в эпоху обострения конфликтов и противоречий, умножения ненависти и злобы, всем нам особенно важно не забывать о своем призвании быть миротворцами, являть доброту и любовь, отзывчивость и милосердие.

Этот год ознаменован для всех нас особой исторической датой – исполнилось 150 лет с момента создания Туркестанской епархии, наследницей которой в настоящее время являются Православная Церковь Казахстана и Среднеазиатский Митрополичий округ. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл так сказал о значимости этого события: «Учреждение в XIX веке Туркестанской епархии, ставшее закономерным итогом многовекового православного присутствия на этой земле, дало новые возможности для свидетельства о Христе и способствовало развитию различных направлений церковной жизни». Как и в прежние времена, сегодня Православная Церковь в Казахстане несет свое важное и ответственное служение, трудится по укреплению общественного согласия, утверждению традиционных

нравственных ценностей в жизни людей и сбережению культурного наследия и исторической памяти народа.

Убежден, что Тимоновские чтения станут добрым вкладом в празднование исторических дат, послужат к духовной пользе казахстанского общества и укреплению гуманитарного и культурного сотрудничества между странами и народами, помогут нашему общему свидетельству о Христе, Который есть Путь, Истина и Жизнь (Ин. 14:6). Помощь Воскресшего Спасителя да сопутствует всем нам.

Призывая Божие благословение,

ГЛАВА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАЗАХСТАНА

МИТРОПОЛИТ АСТАНАЙСКИЙ И КАЗАХСТАНСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

1. *Иерей Андрей Крутин.* Епископ Тимон (Русанов). Святитель Кустанайский …… 7

2. *Дорофеев Р.В., Озмитель Е.Е.* Преосвященный Мелхиседек (Аверченко): епископ «Общин Туркестанской епархии», «Андреевский», Уразовский, Пишпекский, Челябинский, Курганский …… 16

3. *Королева Е.Д.* Исторические сведения о церквях и духовенстве Михайловской станицы Троицкого уезда и поселках Кустанайского уезда Оренбургской епархии в архивах Оренбурга, Челябинска и Троицка ……. 36

4. *Виниченко С.Н.* Пастырь добрый (о священнике Василии Преображенском) ……. 44

5. *Чулков В.В.* Кладбищенская Косьмо-Дамиановская церковь г. Кустаная …… 51

6. *Ковалева А.О.* Тема Православия в художественной литературе ... 63

7. *Ковалева А.О.* Рассказы:

- Как Коля Доктора ждал ……..……..…… 66
- Сочельник …….. 74
- Геенна огненная …… 76
- Где умирает одиночество ……. 81
- Старец …… 86

8. *Баталов П. В.* Заметки о приходской жизни в Кустанайской области в 90-е годы XX века. …….. 91

ЕПИСКОП ТИМОН (РУСАНОВ). СВЯТИТЕЛЬ КУСТАНАЙСКИЙ

Иерей Андрей Крутин,
руководитель отдела по канонизации святых
Костанайской и Рудненской епархии,
настоятель храма в честь Казанской иконы Божией Матери
в г. Тобыл Костанайской области.

XX-й век стал веком мученичества и исповедничества в истории Русского Православия. Невероятные по своей жестокости гонения на церковь в эти годы можно сравнить, пожалуй, только с годами гонений первых времен христианства. Наиболее жестокими были гонения в 20-30-е годы XX-го века. На эти же годы пришлось и время церковного раскола, инициированного светскими властями. Именно на это непростое время пришлось архиерейское служение на Кустанайской кафедре епископа Тимона (в миру Антонина Яковлевича Русанова).

Родился будущий святитель в 1872 году в небольшом Уральском селе Медведское Челябинского уезда Оренбургской губернии в семье сельского священника о. Иакова Русанова. В семье о. Иакова Русанова было шесть сыновей и две дочери. Все сыновья после окончания школы поступили в духовную семинарию и впоследствии стали священниками. Антонин Русанов так же после окончания школы поступил в Уфимскую Духовную семинарию.

Фото 1. Учитель Антонин Русанов, 1895 год.

После окончания семинарии он несколько лет работал простым учителем в родном селе. Это были годы, когда молодой учитель нарабатывал опыт общения с детьми, познавал все тонкости непростой педагогической профессии (фото 1). Как грамотного педагога его в 1896 году переводят в двухклассную Птиченскую школу. Таких больших школ было несколько в Оренбургской губернии, и одна из них была в п. Птиченском. Именно в Птиченском в наибольшей степени проявился педагогический талант молодого учителя. Как старший учитель, он не только преподавал ученикам светские науки, но и

прививал им любовь к Богу, любовь к истории родной страны. Но все-таки, несмотря на несомненный педагогический талант, педагогическая деятельность стала не главной в жизни талантливого учителя. В 1900 году он был рукоположен во священника и назначен настоятелем к Михаило-Архангельской церкви п. Петровского Челябинского уезда [1].

В 1902 году наступил новый этап в жизни о. Антонина Русанова. Его богатый педагогический опыт пригодился уже на Кустанайской земле. В начале XX-го века на территории Тургайской области, в состав которой входил Кустанай и Кустанайский уезд, в переселенческих поселках начали массово строиться православные храмы и молитвенные дома. При многих храмах открывались церковно-приходские школы и школы грамоты. Приходским священникам подчас не всегда хватало умения и знаний для грамотной организации учебного процесса в этих школах, а иногда не хватало и опыта общения с местными властями. Для помощи приходским священникам в Оренбургской епархии была введена должность уездного наблюдателя церковно-приходских школ. Требования к кандидатам на данную должность были достаточно высокие, но главное – требовался священник с педагогическим опытом и несомненным педагогическим талантом. Выбор епархиального начальства остановился на священнике из Уральского села Петровский о. Антонине Русанове. Указом епископа Оренбургского и Уральского Владимира о. Антонина Русанова перевели в Кустанай и включили в штат Свято-Никольского собора четвертым священником. Но главной сферой деятельности о. Антонина в Кустанае стало все-таки послушание уездного наблюдателя центрально-приходских школ. В Оренбургских ведомостях за 1898 год можно найти инструкцию для уездных наблюдателей [2]. В инструкции больше 20-ти пунктов, самые главные из которых – это содействие уездных наблюдателей открытию новых школ и обязательное посещение каждой школы не менее 2-х раз в год, проверка знаний учащихся и инструктирование учителей, прием экзаменов и многое другое. Всем этим о. Антонин Русанов успешно занимался более 15 лет. За это время были открыты десятки новых ЦПШ и школ грамоты, начальное образование в этих школах получили тысячи и тысячи Кустанайских детей.

Одновременно о. Антонин Русанов нес послушание благочинного приходов Тургайского округа. Как благочинный он был одним из организаторов противосектантских миссионерских курсов для духовенства и мирян. В годы Первой мировой войны о. Антонин, как и все кустанайское духовенство, старался помочь обездоленным. Так, в помощь беженцам,

трудами и стараниями кустанайского духовенства в храмах и монастырях Кустанайского уезда – был организован сбор средств, для помощи нуждающимся, а в Иверском женском монастыре был открыт приют для детей-сирот.

Фото 2. Уездный наблюдатель ЦПШ о. Антонин Русанов в п. Боровском

Большие изменения в жизни страны и в церковной жизни произошли после Февральской революции 1917 года. После революционных событий изменилась система власти в стране, в церковной среде началась подготовка к Всероссийскому Поместному Собору, на котором предполагалось восстановить институт патриаршества. Через полгода, в октябре месяце, в Петрограде произошел еще один вооруженный переворот, и вся страна после этого на несколько лет погрузилась в пучину кровопролитной гражданской войны. Новая власть устанавливалась по городам и регионам бывшей Российской империи постепенно. В Кустанае советская власть установилась 25 декабря 1917 года, в ночь на Рождество Христово, когда группа революционных матросов из Петрограда во главе с матросом Василием Чекмаревым устроили в городе вооруженный переворот. В последующем, до августа 1919 года, власть в городе менялась неоднократно.

Фото 3. Священник Антонин Русанов. 1920-е годы.

Только 19 августа 1919 года советская власть в городе была установлена окончательно. О. Антонин Русанов все это время служил вторым священником в Свято-Никольском соборе и работал законоучителем во второклассной школе г. Кустаная (фото 3). Должность уездного наблюдателя ЦПШ была сокращена еще весной 1917 года, после революционных событий февраля 1917 года, а с окончательным установлением в городе советской власти были закрыты и все церковно-приходские школы. С установлением советской власти начались и репрессии против духовенства. В сентябре 1920 года был арестован настоятель Свято-Никольского собора г. Кустаная, священник Николай Русанов, родной брат о. Антонина Русанова [3].

В адрес о. Николая Русанова были выдвинуты стандартные для того времени обвинения в контрреволюционной агитации и религиозной пропаганде. Все обвинения в свой адрес о. Николай на следствии полностью отрицал. В защиту, в поддержку о. Николая выступили многие жители Кустаная. Подписной лист с просьбой освободить о. Николая Русанова подписали более полутысячи жителей города. Организовал сбор подписей его родной брат, священник о. Антонин Русанов. Ходатайствовали об освобождении о. Николая и отдельные граждане. В ноябре 1920 года следствие в отношении о. Николая Русанова завершилось. 25 ноября 1920 года постановлением ГубЧК протоиерей Николай Русанов был приговорен к расстрелу. 28 ноября о. Николая Русанова расстреляли и похоронили в безвестной могиле. Протоиерей Николай Русанов стал одним из первых, принявших мученическую смерть и пострадавших за веру во Христа на Кустанайской земле. После смерти брата о. Антонин Русанов становится настоятелем Свято-Никольского собора.

Осенью 1923 года в Кустанае состоялось собрание духовенства и мирян, основным вопросом на котором было избрание кандидата на епископскую кафедру в Кустанае. Собрание проголосовало за избрание епископом настоятеля Свято-Никольского собора о. Антонина Яковлевича Русанова [4].

Верующие Кустаная обратились письмом к патриарху Тихону с просьбой о хиротонии о. Антонина во епископы. В 1921 году о. Антонин Русанов овдовел, у него умерла супруга, Елена Васильевна, и поэтому никаких препятствий для хиротонии, в случае принятия им монашества, у о. Антонина к этому времени не было [5]. Патриарх Тихон дал утвердительный ответ на письмо верующих из г. Кустаная. В октябре 1923 года патриархом Тихоном и членами Патриаршего Синода было дано поручение временно управляющему Оренбургской епархией епископу Орскому Иакову (Маскаеву) вместе с епископами Давлекановским Иоанном (Поярковым) и Мензелинским Иринеем (Шульминым) совершить в г. Кустанае хиротонию протоиерея Антонина Русанова, по пострижении его в монашество, на новоучреждаемую Кустанайскую викарную кафедру Челябинской епархии, в том случае, если окажется невозможным проведение хиротонии в Москве [6]. Из-за противодействия местных властей хиротония о. Антонина Русанова не состоялась. Причиной тому явился арест о. Антонина Русанова и последующий за этим захват Свято-Никольского собора обновленческими священниками [7]. В конце 1923 года городские власти провели в соборе внеплановую ревизию, обнаружили излишки и на основании этого прекратили договор аренды с общиной староцерковников, сторонников патриарха Тихона, во главе с настоятелем собора о. Антонином Русановым. В феврале 1924 года Никольский собор передали обновленческой общине, а о. Антонина Русанова сфабрикованному обвинению посадили в тюрьму. Шесть месяцев, с февраля по август 1924 года о. Антонин находился в заключении. Освободили его только в середине августа 1924 года. Арест о. Антонина Русанова был нужен местным властям для захвата главного храма на Кустанайской земле – Свято-Никольского собора, а также путем ареста была сделана попытка воспрепятствовать епископской хиротонии о. Антонина Русанова. Хиротония во епископа состоялась, но произошло это немного позже, в 1925-1926 годах. Точная дата хиротонии пока не установлена. По воспоминаниям протоиерея о. Николая Пасько, лично знавшего епископа Тимона, хиротония состоялась 10 августа 1925 года в Москве, в день памяти апостола из 70-ти Тимона. В другом источнике, в книге под редакцией Губонина М., изданной в 1994 году указано, что епископ Тимон находился на епископской кафедре в г. Кустанае в 1926-1930 гг. [8].

Время служения епископа Тимона пришлось на очень сложный период в истории Русской Православной Церкви. Борьба с обновленчеством, репрессии в отношении духовенства, закрытие православных храмов – это неполный список того, с чем пришлось столкнуться владыке во время его архиерейского

служения на Кустанайской кафедре. Но несмотря на все гонения и притеснения, церковная жизнь в Кустанайской епархии продолжалась, во многом благодаря силе и стойкости кустанайского архиерея. В это непростое время не прекращалась литургическая жизнь в староцерковных храмах, рукополагались новые священники и диаконы. Так, в 1927-1929 гг. еп. Тимоном были рукоположены во священника: Петр Феодотович Безногов; Лаврентий Осипович Солопов, во диакона был рукоположен Никифор Павлович Осипов и др. И все это происходило в условиях противодействия со стороны местных властей и непрекращающихся репрессий со стороны карательных органов.

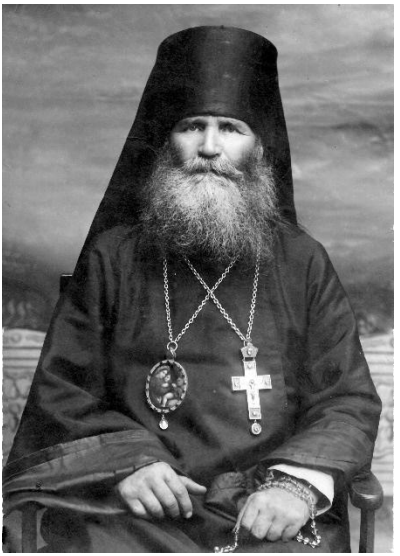


Фото 4. Епископ Тимон (Русанов). 1927 год.

В ходе своего архиерейского служения приходилось епископу Тимону примирять между собой староцерковные общины, из которых одни поминали советскую власть, а другие отказывались это делать. Радикально настроенные староцерковники призывали не поддерживать митрополита Сергия Старогородского, патриаршего местоблюстителя и не поминать светских властей, считая их, новые светские власти, врагами церкви и слугами сатаны. Самыми радикально настроенными не поминающими староцерковниками были прихожане Михаило-Архангельской церкви г. Кустаная во главе с настоятелем прихода о. Иоанном Ветчинкиным. Прихожанами Михаило-Архангельской церкви были и многие монахини закрытого Иверского монастыря. В другой общине староцерковников (Кладбищенская церковь, Константино-Еленинская церковь) светские власти поминались за Богослужением. Понимая, что разделение на поминающих и не поминающих только ослабит староцерковную общину Кустаная, епископ Тимон не становился на сторону ни тех, ни других. Он служил и с прихожанами как Михаило-Архангельской церкви, в которой не поминали советскую власть, и с прихожанами Кладбищенской и Константино-Еленинской церквей, в которых советская власть поминалась. Этим он как бы показывал, что вопрос поминовения или не поминовения светских властей не

должен стать причиной еще одного церковного раскола. Так мудростью правящего архиерея удалось сохранять мир среди верующих. Но в отношении же кустанайских обновленцев епископ Тимон был непримирим – обновленцы воспринимались им как еретики и раскольники, с которыми невозможно никакого церковного общения. Необходимо отметить, что многие священники-обновленцы уже во второй половине 20-х годов стали возвращаться в каноническую Русскую Православную церковь и приносили покаяние.

В конце двадцатых годов начался новый этап гонений на Православную церковь. Речь шла о построении полностью атеистического государства, в котором для церкви совершенно не было места. Именно поэтому такие проявления церковной жизни, как рукоположения во священника, постриг в монашество и т. п. вызывали крайне негативную реакцию со стороны светских властей. Именно такую негативную реакцию вызвало в Кустанае пострижение в монашество епископом Тимоном в конце 1929 года нескольких насельниц закрытого в первой половине двадцатых годов Иверского женского монастыря. После закрытия монастыря верующим оставили только монастырскую церковь и церковную сторожку при ней. Именно в этой церкви в ноябре 1929 года и состоялся постриг. Через несколько дней в областной газете «Степной крестьянин» вышла статья, в которой говорилось о недопустимости в будущем допускать такие факты церковной жизни, как постриг в монашество и делались призывы закрыть монастырскую церковь и разогнать «священников и сестер». Через месяц после статьи в церковной сторожке при монастырской церкви нашли зерно, вероятно пожертвованное прихожанами, по этому факту возбудили уголовное дело. В январе 1930 года постановлением Горсовета монастырскую церковь закрыли и передали ее Школе крестьянской молодежи (ШКМ) [9]. Монахиню Анну Данилову и священника Петра Касенкова арестовали и приговорили к длительным срокам заключения. Монахиню Анну, которую первоначально осудили на 10 лет ИТЛ за хранение зерна в монастырской сторожке, освободили через 8 месяцев, вероятно за недостатком улик. Священник Петр Касенков был осужден за противодействие закрытию церкви на 5 лет. Епископ Тимон вскоре после закрытия монастырской церкви тяжело заболел. Были ли связаны между собой данные события (болезнь и закрытие церкви) неизвестно, но тяжелая болезнь закончилась скоропостижной смертью владыки. 01 июня 1930 года в возрасте 57-ми лет епископ Тимон отошел ко Господу [10]. Похороны состоялись 3 июня 1930 года в Константино-Еленинской церкви г. Кустаная, на престольный праздник (фото 5).

Фото 5. Похороны епископа Тимона (Русанова) 3 июня 1930 года.

На похоронах присутствовал епископ Челябинский Павел Павловский [12]. Похоронили владыку на городском кладбище возле стен Кладбищенской Косьмо-Дамиановской церкви.

В 1938 году Кладбищенскую церковь закрыли, разобрали и перенесли на новое место [11]. Но верующие не забыли о могилке епископа Тимона. Все последующие годы они продолжали ухаживать за могилкой владыки. В 1975 году городские власти решили закрыть городское кладбище и разбить на его месте Парк Победы. По благословению митрополита Алма-Атинского и Казахстанского Иосифа (Чернова) священник Константино-Еленинской церкви о. Николай Пасько организовал перезахоронение останков епископа Тимона на новое кладбище в районе Кустаная-2. Перезахоронение состоялось 18 июня 1975 года. Подробности о перезахоронении стали известны из рапорта о. Николая Пасько на имя митрополита Иосифа (Чернова), в котором он сообщает помимо всего так же и том, что останки епископа Тимона, пролежавшие в земле больше 40-ка лет оказались нетленными [12]. О нетленности останков владыки сообщали и другие участники перезахоронения. Не осталось забыто верующими и новое место захоронения епископа Тимона. На его могилке служатся панихиды, поются акафисты. Известно о многих чудесах, которые совершаются по молитвам к владыке с просьбой о заступничестве его пред Господом.

Владыка Тимон принял архипастырский жезл и бремя забот о вверенной ему Богом пастве во времена страшных гонений на церковь, во время массового мученичества за Христа. Почитают епископа Тимона на Костанайской земле как исповедника веры, как первосвятителя, как первого епископа Кустанайского. Вопрос о самостоятельности Кустанайской кафедры в 20-30 годы XX-го века остается пока открытым и является предметом дальнейшего исторического исследования, но одно является неоспоримым – епископ Тимон был первым всенародно избранным Кустанайским епископом, и он был первым и, пожалуй, единственным архиереем, чья жизнь и пастырское, а затем и архиерейское служение были так тесно и неразрывно связаны с Кустанайской землей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Оренбургские епархиальные ведомости (далее: ОЕВ), 1900 год, №23, оф. часть, Л. 215. Цитата: *Рукоположен во священника студент Уфимской д. семинарии Антонин Русанов в село Петровское Челябинского уезда - 17 сентября 1900 года.*
2. ОЕВ 1898 №2 (оф. часть) от 15 января 1898 года. Л.19-27. Инструкция уездным наблюдателям ЦПШ и школ грамоты Оренбургской епархии. Составлена на съезде уездных наблюдателей в сентябре и утверждена Его Преосвященством 9 октября 1897 года.
3. Специальный Государственный архив Информационно-аналитического центра Департамента полиции Костанайской области (СГА ИАЦ ДП), архивно-следственное дело №02178
4. Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф.831. Оп.1 Д.218
5. Государственный архив Костанайской области (далее: ГАКО), Ф.1393 Оп.2 Д.11. Л.198 (об)
6. РГИА Ф.831. Оп.1 Д.218
7. ГАКО Ф.72 Оп.1 Д.74.
8. «Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917-1943». Сб. в 2 частях / сост. М.Е. Губонин. М., 1994. Стр. 931
9. ГАКО Ф.73 Оп.1 Д.4 Л.60
10. ГАКО Ф.1393 Оп.2 Д.63 Л.116
11. ГАКО Ф.152 Оп.1 Д.71 Л. 20-21.
12. Из фондов епархиального музея в г. Тобыл. *Рапорт священника о. Николая Пасько о перезахоронении останков епископа Тимона (Русанова) на новое кладбище.*

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ МЕЛХИСИДЕК (АВЕРЧЕНКО): ЕПИСКОП «ОБЩИН ТУРКЕСТАНСКОЙ ЕПАРХИИ», «АНДРЕЕВСКИЙ», УРАЗОВСКИЙ, ПИШПЕКСКИЙ, ЧЕЛЯБИНСКИЙ, КУРГАНСКИЙ.

Дорофеев Роман Викторович,
магистр религиоведения, Ташкентская духовная семинария.
Ташкент, Узбекистан.
Озмитель Екатерина Евгеньевна,
доктор исторических наук, ПСТГУ, Москва, Россия.

В непростой истории становления Кустанайской епархии рядом с датами 1931–1933 гг. мы видим пустую строчку. Череда кустанайских архиереев в этот период прерывается. С июня по декабрь 1930 г. Кустанайскую кафедру занимал викарий Челябинской епархии епископ Александр (Раевский). А затем, с 15 марта 1934 г. – он же, в качестве самостоятельного архиерея. Известно также, что к 1932 г. значительная часть духовенства Кустанайской обл. перешла в обновленческий раскол, почти все православные общины были ликвидированы, а в Кустанае у староцерковников оставался только Покровский храм.

Немного прояснить историю Кустанайской епархии в этот период позволяет биография епископа Мелхиседека (Аверченко), которому посвящен этот доклад.

Михаил Ефимиевич Аверченко родился 11 января 1875 г. в с. Усохская Буда Краснобудской вол,. Гомельского уезда Могилевской губ. (ныне Добрушский район Гомельской обл. Республики Беларусь) в семье крестьянина. Согласно некоторым данным, Аверченко окончил Гомельское духовное училище, но ведомости Иссык-Кульского монастыря не подтверждают наличие у него среднего или духовного образования. В ведомости за 1907 г., о иеромонахе Мелхиседеке в графе «Где и чему обучался» лаконично указано: «Читать и писать может» [18, л. 503]. Ведомость за 1914 г. содержит более расширенную информацию: «Домашнее образование, имеет свидетельство на звание учителя-практика» [19, л. 343]. Изменения в этой графе можно объяснить тем, что в промежутке между 1907 и 1914 годами о. Мелхиседек сдал экзамен, предоставивший ему право преподавать в церковно-приходских школах.

Согласно тем же послужным спискам братии монастыря, в 1899 г. Михаил Аверченко поступил послушником в Рождество-Богородичную

Глинскую пустынь Курской епархии. Через шесть лет, 25 августа 1905 г., он был перемещен «по прошению» в Свято-Троицкий Иссык-Кульский мужской миссионерский монастырь Туркестанской епархии, находившийся в Курментинской вол. Пржевальского уезда (ныне Тюпский р-н Иссык-Кульской обл. Киргизии). Кроме о. Мелхиседка выходцами из Глинской обители были еще несколько человек: один из настоятелей Иссык-Кульского монастыря – архимандрит Порфирий (Муковозов), казначей – иеромонах Арсений, благочинный – иеромонах Феогност (Пивоваров), а также иеромонахи Мелетий (Голоколосов), Серафим (Богословский) и Анатолий (Смирнов) [18, л. 492–495, 503][1]. Большинство из них поступило в Иссык-Кульский монастырь в августе 1905 г., что трудно принять за простое совпадение. Об архим. Порфирии известно, что любовь к хорошему уставному пению заставила его при назначении на Иссык-Куль «взять с собой из Глинской пустыни и хор певчих, которых он привез с собой за свой собственный счет» [27, с 102–103]. Скорее всего, послушник Михаил Аверченко был в числе певчих этого хора.

19 июля 1906 г. в Иссык-Кульском монастыре Михаила постригли в монашество с именем Мелхиседек. На следующий день новопостриженный монах был рукоположен еп. Димитрием (Абашидзе) во иеродиакона в Казанско-Богородичной церкви соседнего с монастырем села Преображенское (Тюп). Во иеромонахи о. Мелхиседек был рукоположен через год, 15 августа 1907 г., также еп. Димитрием в Крестовой церкви Архиерейского дома в г. Верном [18, л. 503об.; 19, л. 343; 25, с. 7; 26, с. 92].

В 1908 г. началось приходское служение иеромонаха Мелхиседека. До 1911 г. он окормлял приходы в непосредственной близости от монастыря – в с. Теплоключенка (Ак-Суу) и в станице Николаевской Пржевальского уезда. В 1910 г. о. Мелхиседек одновременно был назначен на должность псаломщика с. Преображенское того же уезд и стал законоучителем одноклассной приходской школы станицы Николаевской. В 1911 г. был переведен настоятелем трех переселенческих приходов Пржевальского уезда: в селах Липинское, Богатырское, Иваницкое. Проживал, скорее всего, в Пржевальске (Каракол), так как в 1912 г. был назначен запасным священником Пржевальского благочиния, а с 1 августа того же года преподавал Закон Божий в мужском и женском одноклассных училищах г. Пржевальска. 30 июля 1913 г. о. Мелхиседек был освобожден от приходских обязанностей и возвращен в

[1] Прпмчч. Феогност, Серафим, Анатолий и Мелетий прославлены в Соборе новомучеников и исповедников Русской Церкви по представлению Алматинской епархии.

монастырь на постоянное жительство. 31 января 1914 г. его назначили ризничным монастыря, проходил он также послушания уставщика и в чередном священнослужении [19, л. 343–343об.].

К этому времени о. Мелхиседек был награжден набедренником, а также получил в награду обязательные для духовенства памятный крест и медаль по случаю торжеств в честь 300-летия династии Романовых в 1913 г. В начале 1915 г. о. Мелхиседек снова стал учительствовать, теперь уже в монастырской школе [28, с. 21].

Во время Туркестанского антироссийского восстания 1916 года, Иссык-Кульские события которого оказались самыми трагическими, иеромонах Мелхиседек укрывался от погромщиков на острове с другими насельниками монастыря; принимал активное участие в спасении пострадавших монахов и монастырского имущества, оказывал помощь переселенцам. После прекращения бунта о. Мелхиседек вернулся в разоренную обитель. За помощь пострадавшим, за помощь при восстановлении монастыря указом Св. Синода от 26 июня 1917 г. он в числе нескольких других иеромонахов был награжден наперсным крестом [29, с. 194].

Документальных свидетельств за следующие пять лет жизни о. Мелхиседека нет. Можно предполагать, что он оставался в монастыре вплоть до его закрытия в марте 1919 г., а затем какое-то время проживал в окрестных селах. В статье, которую написал бывший настоятель Иссык-Кульского монастыря архимандрит-ренегат И. Шемановский для «Вестника Семиреченского трудового народа», есть упоминание о том, что революцию и убийство царской семьи о. Мелхиседек встретил в Пржевальском уезде и что отнесся он к этим событиям резко отрицательно. В этой статье он назван монархистом и далее так: «после переворота кричавший о наступлении антихристовых времен»[33, с. 3]. Примечательно, что стараясь очернить всех монашествующих, автор статьи, однако, не нашел для о. Мелхиседека большего обличения.

Возможно, только после окончания гражданской войны в Семиречье о. Мелхиседек смог перебраться в Ташкент. Первое упоминание о нем в ташкентский период его биографии встречается в воспоминаниях святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и в некоторых других, связанных с ним документах. О своей архиерейской хиротонии, состоявшейся в г. Педжикенте (ныне Таджикистан) в ночь с 30 на 31 мая 1923 г., владыка Лука рассказал следующее: «Мой отъезд в Самарканд должен был быть тайным, и потому я назначил на следующий день четыре операции, а сам вечером уехал на поезде в Самарканд

в сопровождении одного иеромонаха, диакона и своего старшего сына – шестнадцатилетнего Михаила <…> [В Пенджикенте] на вечерне и литургии читали и пели мои спутники и протоиерей Свенцицкий» [14, с. 37].

Имена спутников владыки Луки выясняются из материалов, опубликованных В. А. Лисичкиным. В протоколе допроса прот. Михаила Андреева от 25 октября 1937 г. значится следующее: «На второй день Войно-Ясенецкий Андреем Ухтомским был пострижен в монахи и через некоторое время ему устраивается фиктивная командировка под видом оказания помощи больному в г. Самарканд и там по предложению Андрея Ухтомского тайно “посвящают” Войно-Ясенецкого в сан архиепископа Барнаульского два ссыльных епископа. Фамилий, которых не помню. В Самарканд его сопровождал епископ Мелхиседек и дьякон Иосиф Стороженко» [12, с. 317]. Протокол этого допроса писался следователем со слов о. Михаила в 1937 г. Отсюда и несвойственная прот. Андрееву казенная лексика, и путаница с городом хиротонии, и ошибочное упоминание архиерейского сана владыки Мелхиседека, который в 1923 г. еще был иеромонахом.

Дополнительный протокол допроса владыки Луки от 11 марта 1939 г. предоставляет нам восполняющую информацию: «Я с его [Андрея Ухтомского – *авт.*] предложением согласился и в том же году <…> в кишлаке Пянджикент (в 90 километрах от г. Самарканда) был посвящен в сан епископа двумя ссыльными епископами, Даниилом Путицким и Василием (фамилии не знаю), ныне оба умерли, в присутствии иеромонаха Мелхиседека и дьякона Иосифа Стороженко» [12, с. 388].

Следующий блок документальных свидетельств о жизни еп. Мелхиседека связан почти исключительно с деятельностью первого обновленческого туркестанского епископа Николая Коблова, который прибыл в Ташкент в июле 1923 г. Все его усилия были направлены на подчинение среднеазиатских приходов власти обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ), а затем – обновленческого Синода. Коблов управлял епархией при активном содействии местных НКВД и ГПУ, не брезгуя составлением доносов для этих органов. 22 июля 1923 г. он отправил в ГПУ документ, в котором заявил о политической неблагонадежности 19-ти священнослужителей-староцерковников и двух мирян. В списке «контрреволюционных» приходов и священников значилось: «Михаило-архангельск[ая] церковь села Чернявского, Ташкентского у[езда]. Иеромонах Аверченко Мельхисидек» [2, л. 68].

На должность настоятеля прихода в Черняевском о. Мелхиседека мог назначить архиепископ Туркестанский Иннокентий (Пустынский) в период от 1919 до 1922 г. Что же касается Коблова, то уже в следующем известном доносе в НКВД от 21 января 1924 г. он писал, что он уволил иеромонаха Мелхиседека: «Иеромонах Мелхиседек Аверченко, уволенный от должности священника Черняевского поселка и запрещенный в священнослужении, имея антиминс (не сданный им Туркестанскому Епархиальному Управлению [обновленческому – авт.]), продолжает служить и в Ташкенте, и в Черняевском поселке, причем около него, по слухам, группируются иоаннитки, считавшие ранее антихристом Льва Толстого, а теперь Ленина и Троцкого и Власть Советскую – вообще антихристовой (часть иоанниток проживают в самом Ташкенте и его уезде, а главные наезжают сюда, особенно к большим праздникам, из Петербурга). Все это сообщество пропагандирует тихоновщину, волнуя народ и поддерживая в нем недовольство законной как церковной, так и Советской Властью. Особенный вред церковно-обновленческому движению монах Мелхиседек нанес своим торжественным служением в праздник Крещения по старому стилю, с торжественным крестным ходом на воду в поселке Черняевском» [5, с. 118].

Надо отметить, что Коблов в своих донесениях зачастую сгущал краски. Скорее всего, хорошо знакомые ему по Петрограду сектанты-иоанниты, почти неизвестные в Туркестане, появились в доносе с целью усилить «контрреволюционную вину» о. Мелхиседека. Но в соответствующих органах к этой информации отнеслись серьезно, и имя о. Мелхиседека вместе с именем упоминавшегося выше диакона Иосифа Стороженко стало фигурировать в переписке ГПУ и НКВД Туркреспублики: «...о регистрации и утверждении их уставов – отказано. Предполагая, что на почве отказа будет усиленно вестись скрытая антисоветская агитация, НКВД просит установить разведкой. 1) Деятельность Мелхиседека Аверченко вблизи Черняево, на заимке, а также в Ташкенте, где около него группируются контрреволюционные элементы (иоаннитки) и куда по имеющимся данным он приезжает для совершения служб в районе вокзального и Ольгинского приходов. 2) Деятельность Стороженко – бывшего дьяка. Подготовить материалы для их высылки из пределов Туркреспублики для устранения их как главарей староцерковников, продолжающих демонстрации своими службами, вопреки существующих правил о регистрации и пользующихся известным авторитетом <…> О последующем сообщите для дальнейшего административного надзора за названными группами» [Цит. по: 6, с. 120]. Данные о высылке о. Мелхиседека за пределы Туркестанской АССР отсутствуют.

Реконструировать следующий период жизни Мелхиседека (Аверченко) и попытаться установить обстоятельства его хиротонии возможно только по одному документальному источнику: докладу еп. Луки (Войно-Ясенецкого) о положении дел в Туркестанской епархии к заместителю Патриаршего местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского) от 2 февраля 1926 г. Во всех известных биографиях в качестве даты хиротонии еп. Мелхиседека указывается без ссылок на источники «13 июня 1925 года», подозрительно похожее на дату «15/VI-1925 г.» из «Каталога обновленческих архиереев» митр. Мануила (Лемешевского), где она фигурирует в сообщении о его хиротонии на Андреевскую кафедру [15, с. 819]. Однако, сомнительность некоторых данных статьи о еп. Мелхиседеке в этом справочнике убедительно показал еще в 2006 г. его первый биограф, историк В.Б. Заславский [6, с. 119–123].

В докладе 1926 г. еп. Лука сообщал об архиерейской хиротонии вл. Мелхиседека в связи с делом о запрещении еп. Сергием (Лавровым) самого о. Мелхиседека и еще нескольких монашествующих, отказавшихся признавать Лаврова в качестве временного управляющего делами Ташкентской епархии. «При проезде моем через Москву, писал еп. Лука, – Преосвященный Филипп передал мне прошение архимандрита Мелхиседека и [и]еромонаха Александра, живущих в моей епархии о снятии с них запрещени[й], наложенны[х] Преосвященным Сергием [Лавровым], временно управлявшим Туркестанской епархией. <…>

Было весьма важно снять запрещения со священников, наложенные преосв. Сергием за непризнание его, ибо этих священников считают наиболее стойкими в православии, поэтому я [в]скоре по приезде добился свидания с преосв. Сергием, находившимся под арестом уже около двух месяцев, и просил его снять запрещение, но он категорически отказался заявив, что иеромонахи Александр и Аристарх должны остаться запрещенными в течение года, а архимандрит[ы] Вениамин и Мелхиседек [–] до освобождения его из-под ареста, или возвращения из возможной ссылки; мотивировать свое решение преосв. Сергий не счел возможным в присутствии чекистов. Я объявил об этом народу и запрещенным <…> Запрещение архим. Мелхиседека не может иметь силы, т.к. в это время он уже был рукоположен во епископа, о чем преосв. Сергий, очевидно не знал. Вина запрещенных в значительной мере уменьшается тем важным обстоятельством, что они получили от епископов Андрея (Уфимского) и Петра (ныне Архиепископа Воронежского) наставление о непризнании преосв. Сергия <…>

Что касается архимандрита Мелхиседека, рукоположенного во епископа православных общин Туркестанской епархии епископами Андреем Уфимским и Львом Нижне-Тагильским в мое отсутствие, то я посоветовал ему ехать к Вашему Высокопреосвященству для получения утверждения его хиротонии и назначению на какую-нибудь кафедру» [20, л. 10об, 6об-7, 8.].

Сравнение приведенных в данном документе сведений с другими источниками позволяет реконструировать обстоятельства хиротонии епископа Мелхиседека. Можно предполагать, что в 1924 г. он продолжал служить в пос. Черняевском и в Ташкенте, общаясь с еп. Андреем (Ухтомским), с которым познакомился еще весной 1923 г. перед рукоположением владыки Луки, и еп. Петром (Зверевым), находившимся в туркестанской ссылке. В ноябре 1924 г. еп. Андрей «был затребован в Москву телеграммой ОГПУ, оттуда отправлен в ссылку в Полторацк (Ашхабад)» [34, с. 13]. Затем, возможно, только в начале 1925 г., еп. Андрея вернули в ссылку в Теджен, где он пробыл полгода. Затем в Полторацке 25 августа (10 сентября по н. ст.) 1925 г. он совершил так называемое воссоединение с беглопоповцами, совершив над собой миропомазание «старообрядческим» миром. За эти действия и незаконные хиротонии 13/26 апреля 1926 г. еп. Андрей был подвергнут Патриаршим местоблюстителем митр. Сергием (Страгородским) запрещению в служении [8, с. 91–94].

Второй рукополагавший Аверченко архиерей – еп. Лев (Черепанов) с осени 1924 г. до осени 1925 г. находился в ссылке в Теджене. Таким образом, архиерейская хиротония владыки Мелхиседека могла состояться не ранее декабря 1924 г. и не позднее августа 1925 г. Возможно – в мае 1925 г., как и прочие тайные хиротонии, совершенные епископами Андреем и Львом в Теджене [9, с. 200], так как в Полторацке их пути кардинально разошлись. Об этом сообщал уфимский священник, состоявший в переписке с владыкой Львом: «О переходе в раскол еп. Андрея и о прекращении с ним молитвенного общения пишет в Уфу и епископ Асхабадский Лев, бывший его приятель» [10, с. 20].

Неизвестно, имела ли хиротония иеромонаха Мелхиседека (Аверченко) во *епископы православных общин Туркестанской епархии* какое-либо влияние на положение староцерковников в Средней Азии. Скорее всего, такого влияния не было – у новопоставленного епископа появились какие-то причины для того, чтобы скрыть свое архиерейство.

Проясним события туркестанской церковной жизни, на фоне которых совершалась эта хиротония. Летом 1924 г. ташкентским сторонникам

Патриаршей Церкви, оставшимся к этому моменту без единого храма, были возвращены Сергиевская и Благовещенская церкви [16, с. 13–14]. В январе 1925 г. патриарх Тихон назначил владыку Сергия (Лаврова) епископом Семиреченским и Верненским с поручением временно управлять Туркестанской епархией. Во главе епархии Лавров находился вплоть до ареста, произошедшего 6 января 1926 года. О епископе Сергии ходили диаметрально противоположные мнения: с одной стороны он содействовал возвращению в лоно Патриаршей Церкви отошедших в обновленчество священнослужителей. С другой стороны, ему вменяли в вину слишком либеральное поведение и заигрывание с обновленцами в 1923 г. [30, с. 19–21].

Как видно из доклада владыки Луки (Войно-Ясенецкого), часть туркестанских священнослужителей, в том числе и о. Мелхиседек, отказалась признавать еп. Сергия (Лаврова). Владыка Сергий подверг этих клириков запрещению в священнослужении, но в какой именно период его почти годового пребывания на кафедре – неизвестно.

Можно предполагать, что в такой смутной обстановке еп. Андрей, вообще склонный вольно обращаться с каноническими нормами, решил поставить альтернативного староцерковного Туркестанского архиерея для всех недовольных личностью еп. Сергия (Лаврова) клириков и мирян, которых в епархии было немало. Конечно, здесь мы выдвигаем только предположение о цели рукоположения о. Мелхиседека в архиереи. Но иначе трудно понять, зачем тайно рукополагать епископа для Туркестанской епархии при действующем временно управляющем Туркестанской епархией архиерее, назначенном высшей церковной властью в лице Патриарха Тихона. По каким-то причинам выбор еп. Андрея пал на иеромонаха Мелхиседека, который, как и положено, был сначала им же возведен в архимандриты, а затем, вместе с еп. Львом (Черепановым), тайно рукоположен.

Выход альтернативного Туркестанского епископа на открытое служение так и не состоялся. У многих, в том числе и у самого еп. Мелхиседека, были все основания сомневаться в легитимности этой хиротонии и в том, что неожиданное появление нового «туркестанского» архиерея прекратит, а не усилит ташкентскую смуту. Тайные хиротонии совершались еп. Андреем и ранее. Особенно много – в 1922-1923 гг., когда Патриарх Тихон был под арестом. Освободившись из заключения, Святейший одобрил работу епископа Андрея и объединившихся под его руководством епископов Уфимской епархии, и утвердил все совершенные им хиротонии. Более того, Патриарх утвердил тайную хиротонию епископа Туркестанского Луки (Войно-

Ясенецкого), образование новой кафедры и хиротонию епископа Макарьевского/Любанского Макария (Васильева), совершенные по поручению еп. Андрея (Ухтомского). Эти деяния, хоть и состоявшиеся в результате его вмешательства в дела чужих епархий, были признаны законными как совершенные во время тюремного заключения Патриарха Тихона в соответствии с его указом от 7/20 ноября 1920 г. за № 362 (во время прекращения деятельности центрального руководства архиереи могли заниматься по просьбе клира и мирян делами другой епархии в случае отсутствия там архиерея). Весной 1925 г. ситуация была совсем иной. Митрополит Петр, признанный собором архиереев после смерти Святейшего как местоблюститель Патриаршего престола, был на свободе, управлял Церковью, связь с Ташкентом поддерживал. А значит, епископская хиротония, совершенная архиереями за пределами их канонической ответственности без его благословения, выглядела неуместной. Еп. Андрей, продолжая совершать тайные хиротонии, как бы игнорировал вступление в должность местоблюстителя. Об этом в 1926 г. писал митр. Сергий (Старгородский), обращаясь к уфимским верующим: «О непризнании местоблюстителя говорит и совершение еп. Андреем нескольких хиротоний архиерейских без благословения, хотя, конечно, он знает, что такие поставления не имеют силы (Антиохийского собора пр. 19). Не может быть оправдано это совершение и какою-нибудь гнетущею нуждою, потому что в самых хиротониях не было ни экстренной, ни даже вообще никакой нужды (что видно хотя бы из того, что еп. Мельхиседек, поставленный еп. Андреем для Туркестанской епархии, в ней, однако же, не остался). Не оправдывает и ссылка на словесное благословение, распространяемое только на те хиротонии, которые совершены были при его жизни и которые были потом утверждены. С кончиной же святейшего патриаршие права и власть полностью перешли к местоблюстителю» [Цит. по: 8, с. 177].

«Андреевские» хиротонии вызывали большие сомнения, и с каждым таким случаям приходилось разбираться особо. Скорее всего, в документах, которыми пользовался митр. Мануил (Лемешевский), составляя свои каталоги, возле имени еп. Мелхиседека была такая пометка – «андреевский», то есть, поставленный еп. Андреем (Ухтомским). Именно это примечание исследователи могли ошибочно принять за указание о назначении владыки на обновленческую Андреевскую кафедру и несправедливо обвинить его в уклонении в раскол. Но именно в этом, в обновленчестве, сомнений не могло быть – епископы Андрей и Лев никого никогда не рукополагали на обновленческие кафедры.

Закончился первый ташкентский период в жизни еп. Мелхиседека поездкой в Нижний Новгород к Заместителю Патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию. Отправляя еп. Мелхиседека за подтверждением хиротонии, владыка Лука дал ему следующую характеристику: «Хотя еп. Мелхиседек не имеет даже среднего образования, но знающие его весьма высоко отзываются о его благочестии, верности, смирени[и] и примерной жизни, о с[а]мом похвальном отношении к пастырским обязанностям и бескорыстии. По смирению своему он хочет “служить под моим руководством”, и я рад был бы иметь его своим викарием, ибо епархия Туркестанская весьма обширна. Правда, можно ожидать, что здешнее духовенство отнесется к нему высокомерно, но об уместности назначения преосв. Мелхиседека в Туркестанскую епархию предоставляю судить Вашему Высокопреосвященству. Всего более нуждается в викарном епископе Полторацк (Асхабад), но там трудно пришлось бы преосв. Мелхиседеку, ибо обновленчество пустило там корни весьма широко; там нужен был бы более авторитетный епископ. Думаю, что легче и лучше было бы еп. Мелхиседеку в Аулиэ-Ата[2], хотя настоятельной надобности в удержании там викариатства не вижу» [20, л. 8–8об.].

Поездка в Нижний завершилась для еп. Мелхиседека благополучно. Сначала резолюцией митр. Сергия от 21 мая 1926 г. с него было снято запрещение: «Ввиду того, что запрещенные Еп[ископом] Сергием ар[химандрит] Мелхиседек, [иеромонах] Александр и др. не признавали его не из любоначалия, а по искреннему опасению потерять чистоту православия, при чем Еп[пископ] Сергий, произведший смущение совести православных не принял с своей стороны мер к успокоению их, признать запрещение наложенным неправильно и потому отменить (I Всел[ленского Собора правило] 5; Антиох[Собора правило] 6)» [20, л. 9].

Затем было признано архиерейство еп. Мелхиседека. Примерно в это же время он получил назначение на Уразовскую викарную кафедру Воронежской епархии [17]. Сведений о его вступлении в управление этим викариатством нет.

30 октября 1926 г. еп. Мелхиседек был переведен в Среднюю Азию и назначен епископом Пишпекским и Семиреченским, викарием Туркестанской епархии [17]. Пишпекским викариатством он управлял три года – до осени 1929-го. Где он постоянно жил в это время – в Пишпеке (с 1926 г. – Фрунзе), в Ташкенте, еще где-то – не ясно. Первое известное нам свидетельство о

[2] Современный г. Тараз в Казахстане.

посещении еп. Мелхиседеком своего кафедрального города оставил обновленческий митрополит Александр Введенский, объехавший весной-осенью 1927 г. почти весь среднеазиатский регион в рамках «благовестнического» и отчасти инспекционного турне. Выступая перед московской обновленческой аудиторией в том же году, Введенский подробно рассказал о своем посещении недавно переименованного Фрунзе. Основное повествование он посвятил переходу в ведение обновленческого Синода общины городского Никольского собора во главе с настоятелем священником Пономаревым. Завершая повествование об этом событии, Введенский упомянул еп. Мелхиседека: «Интересно здесь то, что с тем же поездом, с которым приехал [во Фрунзе – *авт.*] и я, прибыл тихоновский епископ Мельхиседек, поставленный бродячими тихоновскими архиереями. Сюда он приехал для того, чтобы сделать священника Пономарева полномочным благочинным всей северной Азии. И он видит дикое зрелище. Тот, которому он хотел вверить все бразды правления, переходит в ведение Св. Синода» [3, с. 15].

Если доверять информации Введенского, то получается, что весной-летом 1927 г. в первый или очередной раз посетив свой кафедральный город, еп. Мелхиседек обнаружил здесь не только вояжирующего обновленческого митрополита, но и стал свидетелем перехода в обновленчество духовенства Никольского храма, что было ощутимой потерей для него. Назначение еп. Мелхиседека на должность Семиреченского викария предполагало значительную зону канонической ответственности, включавшей в себя бывшее Семиречье (Джеты-Су), разделенное в те годы между Казакстанской и Кара-Киргизской автономными республиками. Уездный Пишпек (Фрунзе), получивший сначала статус столицы национальной автономной области, а затем и республики, был избран Семиреченскому викарию в качестве кафедрального города, видимо по причине того, что обновленчество в бывшей столице Семиречья – Верном (Алма-Ате) *широко пустило корни* в не меньшей степени, чем в прикаспийском Ашхабаде. Но и во Фрунзе, в кафедральном городе нового викариатства, с утратой Никольской церкви у тихоновцев не осталось ни одного храма.

1 сентября 1927 г. на бывшую до тех пор викарной Верненскую/Алма-Атинскую кафедру был назначен еп. Лев (Черепанов). Примерно в это время произошло разделение Ташкентской и Верненской епархий, в связи с чем не позднее 12 октября того же года Пишпекское викариатство перешло в введение самостоятельной Алма-Атинской епархии и территория его сократилась до

Чуйской и Иссык-Кульской долин. Скорее всего, тогда же еп. Мелхиседек утратил титул «Семиреченский».

В целях организации легального управления Пишпекским викариатством 10 февраля 1928 г. еп. Лев обратился в областной комиссариат НКВД Киргизской АССР[3] со следующим заявлением:

«Указом и.д. Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Нижегородского Сергия от 1 сентября 1927 года за № 137, я назначен епископом Алма-Атинским и Семиреченским <…> В ведении моем <…> находятся уезды (Пишпекский) Фрунзенский и Кара-Кольский[4] Кара-Киргизской республики, поэтому считаю нужным просить Адм[инистративный] отдел Обл[астнго] Нарком[ата] Вну[тренних] дел Кара-Киргизской республики просить зарегистрировать меня, как епархиального епископа Семиреченского (Джетысуйского), и моего викария, Епископа Мелхиседека Аверченко, как Епископа Пишпекского. Епископ Мелхиседек назначен указом и.д. местоблюстителя, митрополита Сергия Нижегородского от 12 октября 1927 г. за № 502.

О результате настоящего заявления моего прошу уведомить меня через вышеупомянутого епископа Мелхиседека.

Копию указа моего в случае необходимости могу прислать из г. Алма-Ата. Копию указа епископа Мелхиседека, последний предоставит особо при своем заявлении.

Что же касается вспомогательных учреждений, т[ак] наз[ываемых] Епархиального совета при Епархиальном архиерее, то таковой мною будет организован в г. Алма-Ата и там зарегистрирован; о составе же уездных органов (при викариях) и благочиннических советов, как неподлежащих по Закону регистрации, сообщается уездным властям к сведению.

г. Пишпек, 10 Февраля 1928 г.

Лев, Епископ Алма-Атинский и Семиреченский (Черепанов)» [1, л. 44–45].

---

[3] Имеется в виду Киргизская Автономная Социалистическая Советская республика, преобразованная из Кара-Киргизской автономной области и существовавшая в составе РСФСР в 1926-1936 гг. В заявлении еп. Льва упоминается неточно как Кара-Киргизская республика.

[4] В 1926 году эти уезды были преобразованы в Фрунзенский и Каракольский кантоны.

В регистрации на территории Киргизии еп. Льву отказали, вернув его заявление в Джетысуйский административный отдел НКВД с просьбой «объяснить ему, что Нарком внутренних дел Киргизской АССР регистрировать его не может» [1, л. 43]. На этой справке есть резолюция от 25 апреля 1928 г., объясняющая причину отказа: «Объявить, что как адм[инистративно] ссыльный не имеет права выезжать за пределы г. Алма-Ата и, следовательно, регистрация на предмет распространения деятельности за пределы Алма-Аты отпадает» [1, л. 43].

Информацию о том, удалось ли еп. Мелхиседеку легализовать свою деятельность на территории Фрунзенского и Каракольского кантонов, обнаружить не удалось. Очевидно только, что в 1928 г. он проживал в пределах своего викариатства и управлял им довольно усердно, так как активность владыки за этот год была отмечена и партийными властями по Фрунзенскому кантону, и обновленческим епархиальным начальством.

9 сентября 1928 г. из Секретариата ВКП(б) Фрунзенского кантонного комитета был отправлен циркуляр по волостным комитетам и партийным ячейкам. В циркуляре сообщалось об усилении религиозной работы «проводимой попами» в пределах кантона, перечислялось несколько фактов такой работы, на которые «партийные организации не обратили внимания и не приняли нужных мер к предотвращению» [32, л. 177–178]. Из перечисленных в циркуляре событий церковной жизни для нас важны два. Во-первых, как сообщали партийные функционеры, «в ряде селений в августе месяце проезжал архиерей и всюду, где он проезжал, устраивались торжественные встречи и собирали с крестьян яйца, масло, мясо и др. продукты» [32, л. 177]. Сообщение это относится именно к еп. Мелхиседеку как представителю староцерковного духовенства. Никто из фрунзенских викариев обновленческой Джетысуйской епархии (в 1928 г. их могло быть трое) не пользовался среди верующих таким уважением, приезд их на приходы не вызывал бы такого энтузиазма со стороны верующих и такой отрицательной реакции областных партийных властей. О том, что еп. Мелхиседек действительно объезжал приходы своего викариатства в 1928 г., свидетельствует фотография этого времени, на которой изображен архиерей с певчими Семиречья [31]. Имя архиерея в архивном описании этой фотографии не указано, но внешнее сходство его с еп. Мелхиседеком, изображенном на тюремной фотографии 1933 г. [17] не вызывает сомнений.

О втором событии, которое можно связать с присутствием в своем викариатстве еп. Мелхиседека, сообщается тем же Кантонным секретариатом в том же негативном контексте: «В селении Алексеевка попами проведен

торжественный съезд попов, где постановлено усиленно развивать религиозную работу среди населения» [32, л. 177]. Этот съезд был собранием староцерковного духовенства, т.к. обновленческие благочиннические съезды проходили в республике достаточно регулярно, как и повсюду – с ведома властей, и не могли расцениваться ими, как следствие «невнимательного отношения и слабой антирелигиозной работы на местах», как факты, к предотвращению которых надо было принимать меры.

Для проведения общецерковных мероприятий вроде этого собрания в то время нужна была большая смелость, которой владыка Мелхиседек несомненно обладал. Это следует из его отношения к вопросу о созыве Всероссийского православного собора. На допросе в 1933 г. он рассказывал: «На запрос митр. Сергия о созыве Всероссийского Собора в 1928 г. я написал доклад, в котором высказал свое соображение о приглашении на Собор всех священнослужителей, находящихся в ссылках, в концлагерях и отбывающих наказание за а[нти]с[оветскую] и к[онтр]р[еволюционную] деятельность. Эту мысль меня заставили высказать те обстоятельства, что в то время большинство лучших, преданных делу православной церкви епископов и священников староцерковной ориентации советской властью были репрессированы» [13, с. 122].

В декабре 1928 г. еп. Мелхиседек совершил диаконскую хиротонию, о чем свидетельствует заполненный в 1930 г. «ставленический допрос» иеродиакона ташкентской Успенской Куйлюкской церкви Антония (Кищенко), в котором указано: «В сан Иеродиакона рукоположен в г. Фрунзе Семиреченской области, 15 декабря 1928 года, викарием Семиреченской области Епископом Мелхиседеком» [22, л. 5].

Активность Пишпекского епископа привлекала внимание туркестанских обновленцев. На обновленческом епархиальном съезде, проходившем в Ташкенте примерно в декабре 1928 г., владыка Мелхиседек был упомянут в речи митрополита Иоанна (Звёздкина): «Беловодский Округ. Необходимо разделение на 2 благочиния. Одному благочинному трудно. 18 церквей, из них 11 сгруппированы, а 7 – на большом протяжении (500 в[ерст]). Кроме того, там шумит еп[пископ] Мелхиседек (Тихоновщина). Прошу съезд подтвердить о скорейшем разделении Округа Беловодского на 2 благочиния до I января с[его] г[ода] о чем уведомить обоих священников – Севицкого и Алексеева» [23, л. 3об.].

Беловодский округ, где *шумел* епископ Мелхиседек – это находившееся в подчинении ташкентских обновленческих архиереев благочиние на территории северной Киргизии и, отчасти, быть может, в южном Казахстане.

Речь обновленческого митрополита Иоанна является последним доступным документом за Пишпекский период служения епископа Мелхиседека.

В 1929 г. владыке пришлось по каким-то причинам покинуть свое викариатство. В октябре этого года на заседании Временного Патриаршего Синода был заслушан доклад правящего архиерея Туркестанской епархии митрополита Никандра (Феноменова). Владыка доложил о том, что «Преосвященный Пишпекский Мелхиседек находится в пределах Туркестано-Ташкентской митрополии и уже долгое время отсутствует в своей епархии, почему митрополит Никандр полагал бы полезным как для блага Церкви, так и самого Преосвященного Пишпекского освободить последнего от управления Пишпекской кафедрой и назначить его в распоряжение Митрополита Туркестанского, которому надлежит дать Преосвященному Мелхиседеку соответствующее назначение по своему усмотрению» [21, л. 4].

30 октября 1929 г. постановлением Синода, еп. Мелхиседек, «преосвященный Пишпекский, викарий Алма-Атинской (Верненской) епархии» был освобожден от управления викариатством и направлен в распоряжение митр. Соответствующий указ был отослан в Ташкент 6 ноября 1929 г. [21, л. 4].

Подлинные причины, по которым владыка Мелхиседек оказался за штатом, неизвестны. В некоторых биографиях указывается без ссылки на источник, что с 17 октября 1929 г. он находился в заключении. В анкете, составленной 12 июня 1933 г. Уполномоченным ОГПУ Шапошниковым, в графе 12 «Сведения о судимости, о нахождении под следствием (до Октябрьской революции)» сказано: «Не арестовывался. Судился Коллегией ОГПУ. Осужден на пять лет концлагеря» [4]. Анкета эта была составлена после осуждения епископа Мелхиседека по делу 1933 г. при пересылке его во Фрунзе. Кроме приговора по этому делу, другие судимости в ней не упоминаются. Возможно, арест 1929 года, если и был произведен, то не окончился приговором по суду – владыку могли отпустить под подписку о невыезде, могли выслать из Фрунзе как административно ссыльного с предписанием проживать в Ташкенте, из-за чего он вынуждено находился вне пределов своей епархии. Сам еп. Мелхиседек во время допроса от 3 февраля 1933 г. об аресте не упомянул, сообщив, что с 1929 по 1931 гг. «в связи с отсутствием вакантных должностей… находился за штатом и жил в Ташкенте» [13, с. 120]. И тогда же

сообщил: «По моей инициативе церковным советом и верующими прихода в Ташкенте было написано прошение об освобождении епископа Войно-Ясенецкого[5]. Я вел с верующими частные беседы, убеждал их в том, чтобы они не забывали Бога, ходили в церковь, молились Богу и не слушали атеистов-безбожников, ведущих борьбу с религией и православной церковью. С методами их борьбы я не согласен и рассматриваю эти методы как кощунство и гонение на Православную церковь» [13, с. 121].

Из сообщения, которое включил в свою неопубликованную книгу В.Б. Заславский, становится ясно, о каком приходе шла речь на допросе. Надежда Григорьевна Тремсина рассказала об Успенской церкви ликвидированного в нач. 1920-х Ташкентского Никольского монастыря: «Я прочла Вашу статью в журнале и про владыку Мелхиседека. Он ведь жил во времянке двора храма и служил в церкви, а еще была времянка, где жили очень старые монахини: Паисия, Анна, Амвросия и Иоанникия. Матушка Иоанникия пекла просфоры, звонила и сторожила. По праздникам служить приезжал владыка Лука. Вот как его люди встречали, никогда не забыть. Из фаэтона он спускался у моста, и люди по двум сторонам стояли до храма, очень любили и почитали владыку. Народ с города приходили молиться, говорят, храм всегда был полон.

Храм еще действовал, в котором служил епископ Лука, его посадили, стал служить епископ Мелхиседек, живя несколько лет при храме во дворе в сакле, можно назвать мазанкой. Когда Мелхиседека арестовали с этой церкви, храм еще действовал и там служил о. Филипп Кальченко. После закрытия храма старых монахинь забрали в город добрые люди и досмотрели – докормили и похоронили» [7, с. 130]. Действительно, именно в Успенской церкви, находившейся в 6,5 км от Ташкента по Куйлюкскому шоссе, по благословению правящего Ташкентского митрополита Никандра с лета 1929 г. вплоть до ареста 6 мая 1930 г. нередко служил, находясь на покое, еп. Лука. Прихожане Куйлюкского храма владыку Луку хорошо знали и очень любили. Не удивительно, что именно здесь было написано прошение о его освобождении.

11 августа 1931 г. еп. Мелхиседк получил новое назначение. Сведения о его новом титуле противоречивы: по одним данным, он был епископом Курганским, викарием Тобольской и Сибирской епархии, по другим данным,

---

[5] Из контекста не ясно, о каком аресте епископа Луки идет речь: 1923 или 1930 гг. Если предположить, что, рассказывая о событиях своей жизни на допросе, еп. Мелхиседек более или менее соблюдал хронологический порядок, то вторая дата выглядит более подходящей.

назначен на Троицкую викарную, либо – на самостоятельную Челябинскую кафедру, то есть был «Челябинским и Троицким», но и в том, и в другом случае, якобы, отказался от назначения. События из истории Троицкой епархии этого времени делают факт назначения на викарную Троицкую кафедру, а, значит, и отказ от такого назначения невозможным. Как пишет Е. Королева, «Троицкое викариатство было закрыто 27 апреля 1928 года определением Св. Патриаршего Синода с целью “лучшей постановки дел в епархии и для объединения ее”, предполагалось “сосредоточить управление в руках одного епископа”. Челябинскому архиерею присваивался титул «Челябинского и Троицкого» с правом, “по усмотрению местной пользы, проживать в Троицке, но с обязательством посещать Челябинск для служения, по крайней мере, один раз в месяц” Арестованного в сентябре 1928 года епископа Назария, обвиненного в контрреволюционной деятельности, сменил епископ Мелхиседек» [11]. Возможны оба варианта: с титулом Курганского викария его могли назначить временным управляющим Челябинской епархией. По собственным словам владыки Мелхиседека на допросе в 1933 г., он служил в Троицке «на должности епископа Челябинской епархии тихоновской ориентации» [13, с. 120], окормляя верующих Челябинского, Троицкого и Кустанайского благочиннических округов. В 1932 г. владыка проживал в г. Троицке, служил в Александро-Невской церкви.

В уже цитировавшейся книге А. Лобашова «“Верою побеждали!..”: Книга о духовном подвиге православных южноуральцев» [6] опубликованы материалы следственного дела «Дело епископа Мелхиседека (Аверченко) и священников и мирян г. Троицка. Челябинская обл., г. Троицк, 1933 г.», в которых есть сведения об участии еп. Мелхиседека в делах кустанайского духовенства. В 1932 г., после ареста священников Александро-Невской церкви Иоанна Ермилова и Сергия Сурмиевича, еп. Мелхиседек назначил настоятелем храма и благочинным Троицкого округа кустанайского протоиерея Тихона Костенко.

Троицк – один из ближайший к Кустанаю городов, и потому такой прецедент в истории Челябинской епархии уже был: в 1930 г. епископ Челябинский Павел (Павловский), пребывая в Троицке, окормлял Кустанайские приходы. На допросе в 1932 г. священник из Кустанайского р-на Василий Иорданский показал, что он приезжал в Троицк к еп. Павлу для получения нового

[6] Далее все сведения о следственном деле еп. Мелхиседека 1933 г. приводятся по этой книге.

назначения [24, л. 9, 21] так же, как протоиерей Тихон Костенко из Кустаная приехал к еп. Мелхиседеку.

19 ноября 1932 г. владыка Мелхиседек и прот. Тихон Костенко были арестованы с большой группой троицкого духовенства и мирян. Повод – спекуляция лампадным маслом и свечами – был настолько нелепым, что обвинение это отмели в ходе следствия. Другое обвинение – организация нелегальных религиозных собраний в связи с появлением в Троицке почитаемой странницы Евдокии Маханьковой – оставалось в разработке, но владыку Мелхиседека на краткое время отпустили.

29 января 1933 г. его вновь арестовали, обвинив в руководстве организованной контрреволюционной группировкой церковников. Опубликованные Лобашовым показания, которые давал владыка Мелхиседек в ходе следствия по этому делу, отличаются поразительной прямотой, искренностью и твердой уверенностью в своей правоте. 22 апреля 1933 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ еп. Мелхиседек был приговорен по ст. 58-10 УК РСФСР к 5 годам лагерей и отправлен в Новосибирск для дальнейшего этапирования в Сиблаг. Вскоре это решение пересмотрели, и 1 июля 1933 г. владыку отправили спецконвоем в г. Фрунзе. Затем, 23 октября того же года – в Среднеазиатское представительство ОГПУ в Ташкенте. Здесь наказание ужесточили до 10 лет лагерей. Других сведений о его судьбе нет. Скорее всего, еп. Мелхиседек скончался в Ташкентской тюрьме, на этапе или в лагере.

По своему смирению и обстоятельствам времени владыка Мелхиседек незаметно совершал свое архиерейское служение, оставаясь на вторых ролях – в должности викария, временно управляющего. Для исследователей он долгое время оставался в тени сложных переплетений самого недокументированного периода церковной истории, когда назначения и преобразования кафедр не поспевали за передвижением архиереев. Из-за недостатка источников он даже претерпел от историков незаслуженные обвинения в уклонении в раскол. В истории гонений на Церковь в Средней Азии и Казахстане он также оказался не слишком заметным. Сведения о его кончине отсутствуют, Узбекистанские архивы, где могут храниться документы с материалами доследования по делу 1933 г., труднодоступны, из-за чего нет возможности поднимать вопрос о канонизации. Тем не менее, исследования надо продолжать, и тогда с Божьей помощью в региональных архивах (Ташкентском, Троицком, Челябинском, Кустанайском) обнаружатся документальные свидетельства участия еп. Мелхиседека в церковной жизни этих областей.

Пока же, рассмотрев его биографию, можно с уверенностью сказать: где бы владыка Мелхиседек не пребывал, находясь постоянно под угрозой ареста, он до последних дней своего служения оставался верным законной иерархии, помогал ссыльному духовенству, собирал под свой омофор и поддерживал оказавшихся без архиереев «староцерковников», ограждал их от обновленцев, совершая тем самым настоящий исповеднический подвиг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Алматинской обл. Ф. 483. Оп. 2. Д. 41.
2. Архив СПб. епархии. Ф. 2. Д. 94.
3. *Введенский А., митр.* По Средней Азии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23).
4. ГКНБ КР. Архивная справка от 11.11.2012.
5. *Заславский В.Б.* По смирению своему // Восток Свыше. Ташкент, 2001. Вып. I.
6. *Заславский В.Б.* Пострадавшие за веру православную в Ташкентской епархии // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2006. Вып. 3 (20).
7. *Заславский В.Б.* Православные храмы в епархии // К истории Туркестанской епархии. Очерк-летопись. Ч.1. Кн. 2 / Авт.-сост. В.Б. Заславский. Калуга, Б.г. (Рукопись).
8. *Зеленогорский М.Л.* Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 2011.
9. *Зимина Н.П.* Уфимская автокефальная епархия «непоминающих» андреевского течения: история, иерархия, ликвидация (1927-1938) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23.
10. *Константиновский В.С.* Православие и епископ Андрей, бывший князь Ухтомский. Уфа, 1926.
11. *Королева Е.* История епархии [Электронный ресурс] // Сайт Троицкой и Южноуральской епархии // http:// troitsk-eparchy.ru/history
12. *Лисичкин В.А.* Крестный путь святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ. Б.м. 2001.
13. *Лобашев А.* «Верою побеждали!..»: Книга о духовном подвиге православных южноуральцев. Челябинск, 2007.

14. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* «Я полюбил страдание…»: автобиография. М. 1996.
15. *Мануил (Лемешевский), митр.* Каталог русских архиереев-обновленцев. Материалы для «Словаря русских архиереев-обновленцев» (1922–1944) // «Обновленческий» раскол. (М-лы для церковно-исторической и канонической характеристики). М. 2002.
16. *Махкамов А.В.* Национализация храмов и закрытие религиозных учреждений г. Ташкента в период 1918-1930 гг.: Сбор. публикации документов и м-лов Государственного Архива Города Ташкента. Ташкент, 2013.
17. Мелхиседек (Аверченко) / База данных «За Христа пострадавшие» ПСТГУ. URL: http://maryrs.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans/
18. Национальный архив Узбекистана (НА Уз.) Ф. И-961. Оп. 1. Д. 873.
19. НА Уз. Ф. И-961. Оп.1. Д. 1195.
20. НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 38.
21. НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 68.
22. НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 75.
23. НА Уз. Ф. Р-429. Оп.1. Д. 90.
24. Областной государственный архив Челябинской обл. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 354.
25. Туркестанские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1906. № 1.
26. ТЕВ. 1907. № 18.
27. ТЕВ. 1909. № 3–4.
28. ТЕВ. 1915. № 4.
29. ТЕВ. 1917. № 15.
30. *Ходаковская О.И.* «Как *мелко, глупо то, чего я* домогался...» Взлеты и падения епископа Сергия (Лаврова) // Восток свыше. 2016. № 1–2.
31. Центральный государственный архив кинофотодокументов Кыргызской Республики. 5-8/Я1.
32. Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 181.
33. Шемановский И. Отцы пустынники и жены непорочны // Вестник Семиреченского трудового народа. 1919. №13 (от 21 января).
34. «Я хочу принадлежать только Св. Церкви». Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский. Труды, обращения, проповеди, письма, документы / Сост. И.И. Осипова, Л.Е Сикорская. М., 2012.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЦЕРКВЯХ И ДУХОВЕНСТВЕ МИХАЙЛОВСКОЙ СТАНИЦЫ ТРОИЦКОГО УЕЗДА И ПОСЕЛКАХ КУСТАНАЙСКОГО УЕЗДА ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ В АРХИВАХ ОРЕНБУРГА, ЧЕЛЯБИНСКА И ТРОИЦКА

Королева Елена Дмитриевна,
кандидат исторических наук,
г. Троицк, Челябинской области.

Архивы духовных консисторий дореволюционного периода представлены различными документами: клировые ведомости, метрические книги, отчеты, рапорта, ведомости, журналы и протоколы епархиальных советов и съездов духовенства, переписка по различным вопросам. Они содержат разнообразные сведения о строительстве церквей и монастырей, о духовенстве и мирянах, их жизни и деятельности. Наибольшей информационной насыщенностью обладают клировые ведомости, содержащие сведения о строительстве церквей, их наименовании и освящении, о духовенстве (священники, диаконы, псаломщики): его социальное происхождение, возраст, образование, рукоположение, награждения, перемещение от церкви одного населенного пункта к другой, семейное положение.

Во второй четверти XVIII в., в ходе деятельности Оренбургской экспедиции и создания Оренбургской укрепленной линии, российской администрацией было образовано Оренбургское казачье войско. Для того чтобы обезопасить жителей пограничья от нападений киргиз-кайсаков с 1835 г. началось строительство Новой пограничной линии; с 1840 по 1844 г. на эти земли были переселены казаки оренбургские (великороссы и украинцы) и уральские, мордва, башкиры, нагайбаки и др. [1]. До 1868 г. Оренбургское казачье войско имело три военных округа, которые были переименованы в отделы, I-й отдел объединял станицы, отряды и выселки Оренбургского уезда, II-й – Орского и Верхнеуральского уездов, III-й – Троицкого и Челябинского уездов.

В 1866 г. казачье население выселков Лейпцигского и Тарутинского входило в состав Великопетровской станицы 1-го стана Верхнеуральского уезда. Станица Михайловская 1-го стана Троицкого уезда включала в свой состав отряды: Алексеевский, Надеждинский, Веринский. Если в выселках Лейпцигском, Тарутинском, в отряде Алексеевском находились церкви, то в отрядах Надеждинском и Веринском пока часовни [2]. В 1891 г. Михайловский станичный юрт Троицкого уезда включал в себя станицу Михайловскую, поселки: Алексеевский, Надеждинский, Веринский и Лейпцигский, в

Надеждинском и Веринском поселках по-прежнему были часовни [3]. В 1901 г. Михайловский станичный юрт Троицкого уезда включал в себя следующие поселки: Алексеевский, Веринский, Лейпцигский, Михайловский, Надеждинский, Тарутинский и хутора: Алексеевский, Бухарин, Веринский, Ваулин, Лузанов, 1-й Надеждинский, 2-й Надеждинский, Приданников, Старобиткуев, Шеметов, Покрывалов [4].

Михайло-Архангельская церковь Михайловской станицы «зданием каменная с таковою же колокольнею и оградой, начата постройкою в 1852 году тщанием и старанием прихожан с помощью доброхотных по сборным Книгам подаяний и окончена 1855 году, а освящена октября 16-го числа того же года». В 1916 г. в Михайловской станице служил священник Григорий Алексиев Владыкин, 70 лет, сын псаломщика, 8.11.1879 г. он был рукоположен во священника и определен в Михайловскую станицу Троицкого уезда к Михаило-Архангельской церкви. 11.10.1863 г. по увольнении из низшего отделения Уфимской Духовной семинарии он был определен к Градо-Оренбургской Георгиевской церкви псаломщиком, 25.03.1873 г. рукоположен во диакона к Градо-Оренбургской Вознесенской церкви. За свою многолетнюю службу о. Григорий был награжден набедренником (14.02.1890 г.), скуфьей (14.04.1904 г.), камилавкой (6.05.1912 г.), орденом св. Владимира 4-й ст. за 50-летнюю отлично усердную службу (13.03.1914 г.), серебряной медалью на Александровской ленте в память в Бозе почившего Александра III. О. Григорий получал жалование от казны с 1915 г. 450 руб. в год и от войска 140 руб. Батюшке сослужил псаломщик Михаил Петров Зефиров, 42 лет, сын псаломщика [5]. В марте 1921 г. эта церковь входила в состав 15-го Ключевского округа, в ней служили по-прежнему священник Григорий Владыкин и псаломщик Константин Добросмыслов. По данным на 1924 г. в поселке Михайловском число верующих составляло 200 чел, религиозное общество было тихоновским; в 1929 г. церковь закрывалась местными властями, но в 1930 г. была открыта. 6.02.1933 г. Михайловский сельсовет в ответ на требование Троицкого райисполкома о функционировании церквей сообщал, что «церковь стоит 3 года без действия, так что религиозная служба в таковой не проводится, на каковую в 1932 было наложено с/х налог 500 руб. штрафных 300 руб. и поземельной аренды 200 руб. Всего одна тысяча руб. Каковая сумма до настоящего времени еще не взыскана. А церковь находится под ведением религиозных. В настоящее время под замком закрыта» [6].

В отличие от каменной церкви в Михайловской станице в отрядах, позднее поселках, возводились деревянные часовни, а позднее – церкви. В пос. Алексеевском церковь во имя св. Алексия человека Божия (1870 г.) с деревянной

колокольней на каменном фундаменте, утварью достаточна; священником в ней служил Иоанн Васильев Федоров, 36 лет, сын мещанина г. Орска; 1.03.1909 г. он был рукоположен во священника к Николаевской церкви пос. Аральского Кустанайского уезда, 13.03.1912 г. по прошению переведен к Алексеевской церкви, он же был священником в 1921 г. В 1924 г. число верующих составляло 412 чел., священник 1, направление обновленческое, по имеющимся данным в 1930 г церковь не закрывалась [7]. В 1908 г. в пос. Надеждинском была построена деревянная церковь Покрова Божией Матери с таковой же колокольней и освящена 28.11.1908 г., утварью была достаточна. В 1916 г. священником в ней служил о. Иоанн Феодоров Васильев, 29 лет, из казаков, он же был священником и в 1921 г. В 1924 г. число верующих пос. Надеждинского Троицкого р-на составляло 26 чел., направление обновленческое; по данным на 1930 г.: «церковь закрывалась местными властями, в настоящее время открыта, 26 чел.», но верующие стали приверженцами патриарха Тихона [8].

В 1899 г. в пос. Веринском была заложена деревянная церковь с деревянной колокольней и каменной оградой во имя свт. Иоанна Златоуста и освящена 16.09.1900 г., самостоятельный приход был открыт в 1903 г. 2.02.1901 г. на настоящее место был определен священник Павел Алексиев Милицын, 51 г., сын диакона, 28.01.1908 г. псаломщиком был направлен Петр Павлов Милицын, 25 лет, сын о. Павла. О. Павла сменил о. Антоний Львов Маджуга, 36 лет, из крестьян, 18.08.1904 г. определен псаломщиком к Николаевской церкви пос. Федоровского Кустанайского уезда. 17.10.1906 г. посвящен в диакона; в 1912 г. проходил миссионерские курсы в Троицке, 25.09.1912 г. рукоположен в сан священника к церкви Иоанна Златоуста пос. Веринского [9]. В марте 1921 г. эта церковь входила в состав 15-го Ключевского округа, в ней служили священник Владимир Максимов и псаломщик-диакон Александр Кириллов. По данным на 1924 г. в поселке число верующих составляло 203 чел, община была сторонницей патриарха Тихона; в 1929 г. общим собранием жителей церковь была закрыта и передана под клуб [10].

Казанско-Богородицкая церковь в пос. Лейпцигском была построена тщанием прихожан и освящена в 1874 г., церковь деревянная с деревянной колокольней, утварью достаточна; в 1916 г. священником был Михаил Гордеев Герасимов, 39 лет, из крестьян. В марте 1921 г. эта церковь входила в состав 15-го Ключевского округа, священника не было. По данным 1924 г. в поселке Лейпцигском Варненского р-на число верующих составляло 580 чел, один священник, община была сторонницей патриарха Тихона [11].

Строительство церкви Михаила Архангела в Тарутинском поселке было начато в сентябре 1869 г., окончено в 1872 г., освящение состоялось 15.11.1873 г., церковь была деревянной с такой же колокольней и оградой. Первым священником стал о. Филипп Петров Юстов, «сын дьячка, по окончании курса в нисшем отделении Симбирской духовной семинарии 14.07.1851 г. указом Симбирской Духовной консистории определен Синшлавского уезда в с. Кивать на псаломщическое место. 6.10.1863 г. Варлаамом, епископом Оренбургским и Уральским, рукоположен во диакона в с. Черепановку. 13.01.1874 г. рукоположен во священника на настоящее место». В 1894 г. в приход на псаломщическую вакансию был определен его сын Иоанн Юстов, 24.06.1895 г. он был рукоположен во священника в настоящий приход на псаломщическую вакансию, 22.12.1898 г. Преосвященным Владимиром определен штатным священником на настоящее место. О. Иоанн был награжден набедренником (29.03.1906 г.), скуфьей (30.03.1911 г.), камилавкой (9.05.1915 г.), медалью Александра III, крестом к 300-летию Дома Романовых; жалование от казны получал 300 руб., братские доходы – до 600 руб. в год. 13.01.1910 г. на псаломщическое место был определен псаломщик Алексий Васильев Бирюков, 28 лет, сын почтового грузчика, образование: цпш, псаломщик со 2.12.1908 г. В марте 1921 г. эта церковь входила в состав 15-го Ключевского округа, в ней по-прежнему служил о. Иоанн Юстов. По сведениям об имеющихся рел. культах по Троицкому р-ну за 1930 г. «Тарутинская церковь закрывалась местными властями, в настоящее время открыта 832 чел., тихоновцы». По данным Тарутинского сельсовета в ответ на требование Троицкого райисполкома от 23.12.1933 г. о функционировании церквей сообщалось: «церковь не работает, церковного совета и ревиз. комиссии нет, неизвестно, когда и кем закрыта» [12].

В фонде ОГАЧО И-76. Оп. 1. Д. 1 содержатся клировые ведомости за 1916г. нескольких поселков Кустанайского уезда Тургайской обл.: Ново-Троицкого, Большого, Преображенского, Пешковского, Смирновского и Станционного. Свято-Пантелеимоновская церковь в пос. Ново-Троицком была «построена в 1908 г. тщанием прихожан Ново-Троицкого поселка, деревянная на столбах; утварию достаточна; по штату священник и псаломщик; жалования от казны 400 руб.». В 1913 г. здесь служил священник Андрей Космин Тихонов, 29 лет, из казаков; с 1899 г. он обучался в Верхнеуральском специально-педагогическом классе, с 15.09.1901 г. по 15.09.1903 г. трудился учителем в Кидышевской казачьей школе, с 15.09.1903 г. по 15.10.1910 г. учителем в Уйской станичной школе, с 2.10.1910 г. по 2.04.1911 г. был слушателем Московских пастырских курсов. 12.05.1911 г. указом Оренбургской Духовной консистории был определен священником в пос. Ново-Троицкий, с 15.09.1911

г. он стал заведующим Ново-Троицкой церковно-приходской школы, псаломщиком с ним трудился Александр Васильев Ионин, 54 л., из духовных. По прошению священника Сергия Иванова, 54 лет, указом Преосвященного Мефодия от 26.08.1916 г. он был переведен в пос. Ново-Троицкий. О. Сергий состоял заведующим церковно-приходской школы и законоучителем Ново-Троицкой и Лавазовской школ. 27.10.1891 г он был принят в Оренбургскую епархию и рукоположен во диакона к Михаило-Архангельской церкви г. Троицка. После Троицка он по прошениям служил в следующих поселках Троицкого, Оренбургского, Челябинского, Верхнеуральского и Кустанайского уездов (1892–1915 г.): в Ключевской и Уйской станицах, в поселках: Черновском, Кукушкинском, Варваринском, Алексеевском, Пешковском, Чесменском и селах: Мордвиновском, Ново-Андреевском, Березовском. Как записано в ведомости, «во всех названных приходах был безвозмездно законоучителем и председателем приходских попечительств». О. Сергий имел следующие награды: архипастырское благословение, набедренник (1895 г.), скуфью (11.09.1897 г.), благодарности Троицкого отделения Училищного совета в 1896 г. «За ревностную деятельность в Мордвиновских школах» [13].

В пос. Пешковском Покрово-Богородицкая церковь была построена тщанием прихожан в 1905 г. и 29 ноября того же года освящена. «Зданием деревянная, крыта железом, с колокольнею на столбах. … В 1913 году обнесена оградой деревянной. … Утварию и ризницею недостаточна». Как отмечается в ведомости, священник и псаломщик жалования не получают, пользуются «только доброхотными даяньями за требоисправления, … содержание причта весьма скудное». Священником в церкви служил Никита Симеонов Селиванов 31 г., сын крестьянина Оренбургской губ. В 1902 г. окончил курс при Исаевской второклассной школе Оренбургского уезда, в 1905 г. выдержал экзамен на звание учителя церк.-прих. школы, в каковой должности пробыл 10 лет, в 1912–1913 гг. прослушал 4-е Московские Пастырские курсы. Указом Преосвященнейшего Мефодия от 27.01.1916 г. был переведен в Пешковский приход, 29.03.1916 г. о. Никита был награжден набедренником [14].

Преображенская церковь в пос. Преображенском была «построена в 1914 г. тщанием прихожан…, освящена малым чином 11.12.1914 г., … зданием временная, из саману, наподобие дома, колокольни нет … утварию бедна». Священником в церкви был Александр Иванов Любимов 48 лет, сын священника, назначенный к церкви согласно его прошения резолюцией Преосвященнейшего Мефодия, епископа Оренбургского и Тургайского, от 13.11.1914 г. Порой страницы клировых ведомостей повествуют удивительные

истории священников. Так, например, о. Александр Любимов по окончании Троицкой мужской гимназии (1887 г.), по прошению Преосвященным Макарием, епископом Оренбургским и Уральским, 2.01.1888 г. был определен псаломщиком к Казанско-Богородицкой церкви Верхне-Авзяно Петровского завода Верхнеуральского уезда, 5.08.1891 г. посвящен во стихарь, 1.02.1891 г. рукоположен к той же церкви штатным диаконом, в 1894 г. рукоположен во священника к Введенской церкви Нижне-Авзяно Петровского завода того же уезда. До своего назначения в пос. Преображенский, с 1895 до 13.11.1914 г., о. Александр был священником и законоучителем в ряде поселков Верхнеуральского, Оренбургского и Орского уездов, резолюцией Преосвященного Феодосия, от 10 августа 1912 года, согласно прошения для излечения от болезни уволен за штат (до 3.01.1913 г.). Резолюцией Преосвященнейшего Мефодия от 24.07.1915 г. был утвержден в должности духовника V благочиннического округа Кустанайского уезда. 29.03.1906 г. Преосвященным Иоакимом, епископом Оренбургским и Уральским, за ревностное исполнение служебных обязанностей и благоповедение награжден набедренником. 30.03.1911 г. Преосвященным Феодосием, епископом Оренбургским и Тургайским, за то же награжден скуфьею, также батюшка был награжден серебряной медалью в память царствования Императора Александра III; о. Александр получал из казны 600 руб. в год. Должность псаломщика исполнял Иоанн Феодосиев Калугин, 18 лет, сын казака Разсыпинской станицы Оренбургского уезда, назначенный согласно его прошения резолюцией Преосвященного Леонтия, епископа Кустанайского, от 12.10.1916 г. после окончания обучения в мужской казачьей школе Разсыпинской станицы; казенного жалования он получал 200 руб. в год. [15].

Молитвенный дом в честь Воздвижения Креста Господня в пос. Большом был построен тщанием жителей, «зданием саманный, колокольня – деревянная; утварию снабжен не достаточно». Священник Игнатий Титович Мачихо 34 л., из крестьян, по окончании Казановской 2-хклассной церк.-прих. школы выдержал экзамен на звание учителя церк.-прих. школы (21.02.1901 г.) и состоял учителем школы грамоты, а потом учителем церк.-прих. школы в селе Паулыг Полоцкой епархии (1.09.1907 г.). По окончании Московских Пастырских курсов (1913 г.) о. Игнатий был назначен священником к церкви пос. Большого (1.01.1913 г.), содержания от казны он получал 450 руб. О. Игнатию сослужил псаломщик Антоний Григорьев Ананич 46 лет, из крестьян, в училищах не обучался, псаломщиком назначен 10.05.1913 г., содержания от казны получал 150 руб. [16].

Казанско-Богородицкий молитвенный дом в пос. Смирновском был построен в 1916 г. «тщанием местных жителей-крестьян, зданием деревянный, колокольнею на столбах, под навесом, … утварию достаточно снабжен». Священник был на месте, а псаломщик был мобилизован на военную службу; казенного жалования не получали, других источников содержания причта не было, кроме платы за требы и кружечных доходов (в 1916 г. 350 руб.). Священник Иоанн Филиппов Ермилов 28 лет, в пос. Смирновский был переведен 10.05.1913 г. по предложению Преосвященнейшего Феодосия, епископа Оренбургского и Тургайского. По окончании Обшаровской церковно-учительской семинарии (Самарской губ.) 2.09.1910 г. был назначен учителем Димитриевской школы, определением Оренбургского Епархиального наблюдателя церковно-приходских школ от 3.10.1911 г. он был назначен учителем Сергиевской двухклассной школы г. Оренбурга. Преосвященнейшим Дионисием, епископом Челябинским, был рукоположен в сан диакона, Преосвященнейшим Феодосием, епископом Оренбургским и Тургайским, был рукоположен в сан священника к Иоанно-Богословской церкви хутора Новозерганского Орского уезда (22.04.1912 г.). 24.06.1915 г. Преосвященнейшим Мефодием, епископом Оренбургским и Тургайским, был утвержден в должности члена благочинническаго совета, 24.10.1915 г. – в должности окружного миссионера. О. Иоанну сослужил псаломщик Трофим Данилов Ангипок 31 год, сын крестьянина; назначенный по прошению на псаломщическое место 17.04.1913 [17].

Покрово-Богородицкая церковь пос. Станционного была построена в 1913 г., саманная, крыта железом, священнослужителем был Василий Михайлов Носов, 30 лет из крестьян. По окончании курса Оренбургской пастырско-миссионерской школы 1.04.1915 г. он был определен на священническое место к Успенской церкви пос. Варваринского Кустанайского уезда. Резолюцией Преосвященного Мефодия, епископа Оренбургского и Тургайского, от 27.01.1916 г. для пользы службы о. Василий был перемещен к Покрово-Богородицкой церкви пос. Станционного[18].

Таким образом, архивные материалы сохранили для потомков много ценнейших сведений о церквях и духовенстве нашего общего прошлого, что является очень важным для связи поколений, восстановления храмов и поминовения священно-и-церковнослужителей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбалко А.А. История и быт казаков Новолинейного района (Этнографический очерк). Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск, 1995. С. 119, 120, 122.
2. Список населенных мест. Часть II. Оренбургская губерния, 1866. Уфа, 2006. С. 154, 193.
3. Списки населенных мест Оренбургской губернии по сведениям, собранным от волостных и станичных правлений в 1891 году. Оренбург, 1891. С. 358.
4. Списки населенных мест Оренбургской губернии. Оренбург, 1901 г. С. 236, 237.
5. Государственный архив Оренбургской обл. (далее: ГАОО). Ф. 173. Оп. 9. Д. 1917. Л. 111 об., 112 об.
6. Объединенный государственный архив Челябинской обл. (далее: ОГАЧО). Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 13. Л. 82 об.; Архив г. Троицка. Ф. 425. Оп. 1. Д. 5. Л. 21 об.; Архивный отдел Троицкого р-на (далее: АО Троицкого р-на). Ф. 161. Оп. 2. Д. 217. Л. 7; Д. 279. Л. 36.
7. Список церквей и молитвенных домов Оренбургской епархии с указанием благочинных, в ведении коих они находятся // ОЕВ. 1895 г. № 21. Ч. офиц. С. 320; ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1917. Л. 1, 3 об.; ОГАЧО. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 13. Л. 83; Архив г. Троицка. Ф. 425. Оп. 1. Д. 5. Л. 6 об.; АО Троицкого р-на. Ф. 161. Оп. 2. Д. 217. Л. 7 об.
8. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1917. Л. 128, 131 об.; ОГАЧО. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 13. Л. 83; Архив г. Троицка. Ф. 425. Оп. 1. Д. 5. Л. 21 об.; АО Троицкого р-на. Ф. 161. Оп. 2. Д. 217. Л. 7.
9. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1526. Л. 375, Д. 1631. Л. 858, Д. 1766. Л. 32 об.
10. ОГАЧО. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 13. Л. 82 об.; Архив г. Троицка. Ф. 425. Оп. 1. Д. 5. Л. 13 об.; АО Троицкого р-на. Ф. 161. Оп. 2. Д. 279. Л. 7.
11. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1917. Л. 99, 101 об.; ОГАЧО. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 13. Л. 83; Архив г. Троицка. Ф. 425. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.
12. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1491. Л. 393, 394 об., Д. 1526. Л. 398 об., Д. 1631. Л. 863 об., Д. 1766, Д. 1917. Л. 148 об.; ОГАЧО. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 13. Л. 83; АО Троицкого р-на. Ф. 161. Оп. 2. Д. 217. Л. 7, Д. 279. Л. 4.
13. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1766. Л. 130, 132 об., 133 об.; ОГАЧО. И-76. Оп. 1. Д. 1. Л. 21 об, 23 об.
14. ОГАЧО. И-76. Оп. 1. Д. 1. Л. 41 об.
15. Там же. Л. 28 об.–30 об., 31 об., 35, 37 об.
16. Там же. Л. 7, 9 об.
17. Там же. Л. 47, 49 об.–50 об.
18. Там же. Л. 53; Распоряжения епархиального начальства. ОЕВ. 1915. Ч. офиц. №. 12. С. 119; 1916. Ч. офиц. № 5–6. С. 37; 1916. Ч. офиц. № 24–26. С. 232.

ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ
(О СВЯЩЕННИКЕ ВАСИЛИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОМ).

Виниченко Сергей Николаевич,
историк, краевед.

В сентябре 1977 года автору, тогдашнему выпускнику школы, привелось копать могильную яму в юго-восточном углу пресногорьковского старинного погоста, самом дальнем от входа на лежак. Здесь захоронений не было, лишь несколько невысоких холмиков, поросших пожухлой травой прошедшего лета.

На метровой глубине лом провалился в пустоту, из которой был извлечен большой человеческий череп. Копачи продолжали работу, и вскоре обнаружили рядом детские останки. По словам подошедших стариков, был поднят прах расстрелянного весной 1921 года священника Василия Преображенского и его дочери Екатерины, умершей тогда же в возрасте восьми лет. По воспоминаниям С.В. Преображенского, она была похоронена рядом с братом-близнецом Александром вскоре после возвращения из отступления на восток с белыми, в январе 1920 года. Скорее всего, батюшка после расстрела был похоронен женой рядом с умершими ранее детьми. Это значит, что мы не потревожили прах третьего. Захоронения постепенно заросли травой, холмики сравнялись с землей, и через шесть десятков лет бригада копателей выбрала уже ровное место для нового погребения. Фотографию священника автор впервые увидел спустя тридцать лет в екатеринбургском журнале «Урал» Известный драматург, пресногорьковчанин Николай Владимирович Коляда, опубликовал в нем воспоминания сына священника. Сергей Преображенский побывал в Пресногорьковке в 1973 году и видел человека, некогда расстрелявшего его отца. Фамилию сын священника так никому и не сказал (источник – внучка Р.И. Нерятина-Козырина). Автору по косвенным показаниям удалось узнать имя палача, но по этическим соображениям обнародовать его не буду.

Многие годы по селу ходили различные слухи об обстоятельствах расстрела. Из рассказов старожилов было ясно, что отец Василий принял мученическую смерть за веру. По воспоминаниям старой казачки Зенепрецовой, каратели привязали его цепями к дубу, росшему рядом с почтовым трактом у леса Маяк, и долго пытали – кололи штыками. Жительница поселка Казанского Ульяна Железняк рассказывала, что батюшке сняли

пластами кожу со спины в виде креста и, привязав за руки и ноги к телеге, выпустили лошадь в степь и долго таскали его по степи.

В 2015 году внучка священника жительница Екатеринбурга Римма Ивановна Нерятина-Козырина вспоминала рассказы бабушки: «За дедом пришли вечером и обещали отпустить утром. На рассвете бабушка пошла в ревком, где ей отдали ящик с изрубленным телом» (видео интервью с иереем Андреем Крутиным). От горя у Александры Христофоровны развился неврит лицевого нерва, перекосило лицо. Сельчане не знали этого и говорили позже, что она гордо шла по станице и улыбалась вместо того, чтобы рыдать, рвать на себе волосы и кататься в дорожной пыли.

Василий Александрович родился 22 февраля 1878 года в семье священника, проживавшей в Вологодской губернии. Отец умер рано (в 1887 году) – Василия, Ивана и Николая учили в семинарии за счет приходских средств. В 1900 году Василий окончил духовную семинарию и был назначен священником при Погосте Тотемского уезда. В 1909 году он вместе с семьей был сослан в станицу Сибирского казачьего войска Пресногорьковскую Петропавловского уезда Акмолинской области под надзор полиции за хранение рабочей типографии брата своей жены, известного революционера В.Х. Попова (бывший священник, партийная кличка «Василий Темный». После первой русской революции бежал из больницы Архангельской тюрьмы в Англию, оттуда в Америку. Добивался прощения у императора и разрешения вернуться на родину из эмиграции. После февральской революции 1917 года прислал сестре Саше записку с просьбой встретить его на железнодорожной станции Лебяжьей?, сестра ждала его два дня, но он не приехал). Батюшка начал служить в старинном Богородице - Казанском храме станицы 16 января 1910 года. Жена священника, Александра Христофоровна (род. 17 апреля 1883 года) окончила курс Вологодского епархиального женского училища (в 1900г.) с правом быть домашней учительницей, работала начальницей Пресногорьковского женского училища. В шесть лет она лишилась отца, священника Шангальской церкви Вельского уезда, и все детство вместе с братом Василием трудно и тяжело работала. В 1923 году ее арестовали по доносу – в учительской была обнаружена газета с ее пометками, в которой говорилось, что все отобранное у народа зерно не вывезено и горит в вагонах. «Мать посадили, каждое утро ее водили в контору, где она выполняла бухгалтерскую работу, а вечером возвращали в тюрьму. Хлопотал за нее и способствовал ее освобождению И.М. Туровский» – вспоминал Сергей Преображенский. Умерла она в 1947 году в тогдашнем Свердловске.

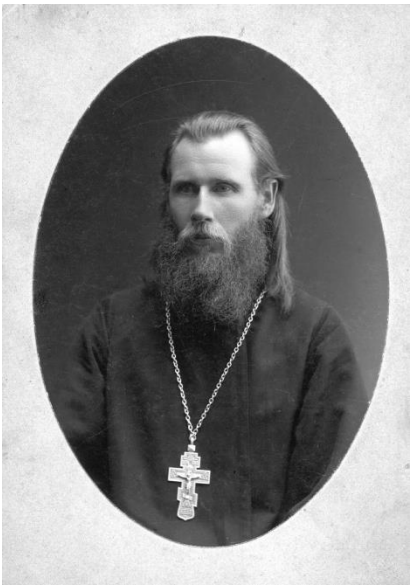


Фото 1. Священник Василий Преображенский

Дети Преображенских: Александр и Екатерина (умерли в раннем возрасте в 20-х годах, похоронены в Пресногорьковке, рядом с отцом), Людмила (┼ в 1946 г. в Кемерово), Николай (1910-1943 гг.), Владимир (1917-1981 гг.) военврач, Сергей (1904-1990 гг.).

В Пресногорьковке Преображенских очень уважали – еще в конце XX века старожилы вспоминали Александру Христофоровну как очень строгую и справедливую учительницу. В пояс кланялись люди при встрече с четой Преображенских на широких станичных улицах, однако, по воспоминаниям внучки, пресногорьковчане равнодушно отнеслись к мученической гибели священника, стараясь поскорее забыть сам факт расправы. Отец Василий сделал много добрых дел для своих прихожан. Уже с 1-го января 1911 года стало существовать Богородице-Казанское братство, расположенное в старом школьном здании. Здесь велись беседы и чтения, была открыта библиотека-читальня, в братской школе повторяли курс начальной школы в пределах программы двухклассного училища. В чайной кормили бедных за счет «тарелочного» сбора, поступающего от 60 членов братства и от воскресных и праздничных церковных служб в храме. «Отрадно видеть и слышать, что инициатива приходского священника нашла отклик среди грубого и невежественного деревенского населения. Надо думать, что нелегко это далось отцу Василию» – писал историк епархии Иван Голошубин.

«Омские епархиальные ведомости» через несколько лет, в феврале 1917 года, в заметке под названием «Пастырь добрый» дали слово обывателю: «Из ст. Пресногорьковской переведен в Ново-Омск священник о. Василий Преображенский.

За свою семилетнюю службу в станице он зарекомендовал себя как истинный пастырь народа и как общественный деятель. Он был инициатором и учредителем Богородице-Казанского братства, которое снабжает станицу учебными пособиями и преследует благотворительные цели.

Фото 2. Священник Василий Преображенский с матушкой Александрой Христофоровной.

В 1916 году братство кормило бедных. В нынешнюю войну оказывает посильную поддержку солдаткам. До открытия здесь высшего начального училища Братство имело школу, которая подготовила учеников в высшее начальное училище, и все ученики 4 класса являются воспитанниками братства. Братство не оставляет своих выучеников и сейчас, давая им стипендии: например в Курганской гимназии есть братская стипендиатка. Преображенским было открыто кредитное товарищество, которое имеет паровую мельницу и наличный капитал. Им же учреждены: общество потребителей, которое имеет магазин и с/х общество, целью которого является снабжение населения с/х машинами на прокат, с/х общество имеет показательное поле. Св. Преображенский во всех этих учреждениях принимал деятельное участие и состоял председателем. Узнав о переводе своего пастыря, прихожане поднесли ему письменный прибор с надписью: «Священнику о. Василию Преображенскому от благодарных Пресногорьковичей». Общество потребителей, в благодарность за плодотворную деятельность вручило ему 100 рублей на проезд. Рождественские праздники о. Василий провел со своими прихожанами.

15 января им была отслужена последняя литургия. Почти вся станица собралась в храме. Трогательно было прощание пастыря с пасомыми. Плакал священник, плакали и прихожане. После обедни священник уезжал. Масса народа провожала его. Многие поехали провожать версты за две, а о. дьякон, учащие высшего начального училища и следователь поехали провожать за 18 верст до ближайшего поселка (Камышловского – прим. автора). Станица лишилась главного импульса культурной и общественной жизни. Венцом его деятельности было открытие и постройка высшего начального училища. Если бы не о. Василий, долго бы здесь не было училища, а, будучи открытым, оно

ютилось бы по квартирам. Благодаря его стараниям оно имеет теперь собственное просторное светлое двухэтажное здание» (в нем учился Габит Мусрепов, известный казахский писатель, здание сгорело 30.12.1959 г. – прим. С.В.).

Не довелось отцу Василию построить новый храм – началась революция, покатилось по России «красное колесо». Он вернулся домой и сразу почувствовал недоброжелательное отношение со стороны паствы. Часто вспоминались пророческие слова епископа Омского и Павлодарского о. Андроника Никольского, сказанные им при встрече с казаками станицы в 1913 году. Владыка стыдил их: «Крест Христов вы носите, а христианскую жизнь не показываете. Если это так будет, то храм ваш будет закрыт, и Господь вам не простит этого – Он накажет вас…». Все случилось, как говорил пастве епископ – богоборческая власть закрыла храмы и началась вакханалия расправ над служителями церкви (священномученик о. Андроник был закопан живьем пермскими чекистами). Василий Александрович и сын Сергей в октябре 1919 года отправляются на восток вместе с отступающей белой армией. «Отступ» прервался на Иртыше. В станице Ачаирской пресногорьковского атамана Ивана Яковлевича Вяткина пригласил для разговора начальник 1-й казачьей дивизии Николай Павлович Кубрин. Генерал настоятельно советовал атаману и всем землякам возвращаться домой, предвидя трудности Великого ледяного Сибирского похода. С огромным трудом, по глубокому снегу, в сильнейшие морозы батюшка с сыном вернулись домой. Все, кто уходил с белыми, были тут же внесены в списки неблагонадежных, ставшими основой для дальнейших репрессий вплоть до конца 40-х годов. 1921 года вспыхнуло восстание, названное в советской историографии «Западно-Ишимским мятежом». Разразилась настоящая крестьянская война против регулярных частей Красной армии. Она закончилась разгромом и волной репрессий против сочувствующих повстанцам. Был арестован и Василий Александрович Преображенский. Никаких документов о суде над ним, обвинении и приговоре обнаружить не удалось. Скорее всего, таковых не было вовсе. Палачи не собирались оставлять документальных свидетельств своих деяний. Была в ходу формулировка «за участие в шпионаже и грабеже», согласно которой был расстрелян церковный староста Петр Васильевич Лученинов и монахини Архистратиго-Михайловского монастыря. Любаве Андреевне, жене старосты, удалось выкрасть тело мужа у расстрельной команды и тайно захоронить. О месте погребения она не рассказывала даже внукам, боясь преследований.

Захоронение о. Василия также оставалось под запретом, о чем свидетельствует тот факт, что он был захоронен в дальнем углу кладбища, без

гроба, на небольшой глубине, даже холмика не осталось, не говоря уже о кресте. Храм, освященный в 1805 году, подвергся частичному разрушению и осквернению – на многие годы был лишен крестов, возвращенных лишь в 1991 году.

Летом 2015 года на месте захоронения священника при большом стечении народа – паломников и казаков кустанайской общины, был установлен поклонный крест и отслужена панихида в память мученика Василия, отдавшего жизнь за православную веру в старинной казачьей станице Пресногорьковской.

Брат Василия Николай Александрович Преображенский (род. в 1872 году) служил в селе Верхний Спас на территории Тарногского района Вологодской области. В 1919 году председатель волисполкома И.А. Кузнецов арестовал священника Преображенского «и отправил в уездную ЧК для соответствующего внушения со стороны чекистов. Вскоре этот поп уже обмякшим возвратился на свой погост». Судьба священника неизвестна, есть предположение, что он был утоплен на барже в Архангельске (данные Марии Юрьевны Воронцовой, СПб). Хорошо изучена биография его сына Георгия (1897-1958 гг.), ставшего генерал-майором, Героем Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны Георгий Николаевич командовал дивизией, освобождал Крым, Молдавию и Венгрию. В коммунистическую партию вступил в 1949 году. В 1953-55 гг. был начальником Свердловского суворовского училища. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Родной дядя о. Василия по матери, Василий Парменович Образцов (1849-1920 гг.), служил профессором Киевского университета. 1 января 1910 года на первом съезде русских терапевтов он сделал доклад о методике диагностике инфаркт миокарда при жизни пациента. С этого дня началась история лечения этой грозной болезни. Доклад специально назначили на 19 декабря 1909 года по старому стилю, как подарок на новый 1910 год всем терапевтам мира, жившим по григорианскому календарю. Сын бедного священника, по окончании вологодской семинарии в 1870 году Василий раздумал идти в церковь и хотел продолжить учёбу. Из светских наук выпускникам семинарий позволялось изучать только медицину. Образцов решил отправиться в Петербург и там поступить в Медико-хирургическую академию. Денег на дорогу не было, шёл он пешком. На прощание крёстная мать дала ему старинный петровский рубль. Крёстная, готовившая просфоры для отцовской церкви в городке Грязовец, некогда выучила маленького Васю читать, и открыла его страсть к науке. На сей раз она вручила Образцову свою

самую ценную вещь, чтобы в случае крайней нужды мальчик мог продать её нумизмату. Уже будучи известным ученым Василий Парменович помогал поставить на ноги своих племянниц – трех сестер о. Василия.

Сергей Васильевич Преображенский был женат на Нине Ильиничне Туровской, племянник которой Виктор Николаевич Ягодинский (1928-2017 гг. Москва) был известным эпидемиологом и биофизиком, написал множество книг о здоровом образе жизни и космосе, был биографом основателя геобиологии А.Л. Чижевского (мне удалось несколько раз поговорить с Виктором Николаевичем по телефону, и даже на огромном расстоянии чувствовалась его мощная энергетика, несмотря на столь солидный возраст. Он был полон светлых воспоминаний о Пресногорьковке и предлагал прислать в Москву пару крепких казаков, чтобы они забрали горы его книг, заполнивших балкон – прим. С.В.).

Из родословной о. Василия Преображенского

1816 год. Священник Иоанн Иоаннов Образцов, 38 лет, жена Федора Иванова, 38 лет, дети: Никанор, Александр, Ольга, Пармен (1 месяц).

1866 год. Священник Пармен Иоаннов Образцов, жена Евгения Дмитриевна, дочь священника Дмитрия Становского, дети Михаил 22, Василий 16, Клавдия 18, Екатерина 13, Марья 10, Александра 8.

О. Василий внук протоиерея Михаила Васильевича Старостина (1827 г. р.), награжденного орденом Св. Анны 3 ст., Св. Владимира 4 ст.

КЛАДБИЩЕНСКАЯ КОСЬМО-ДАМИАНОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ ГОРОДА КУСТАНАЯ

Чулков Владислав Владимирович,
студент Алматинской Православной Духовной семинарии,
сотрудник отдела по канонизации святых и информационного отдела
Костанайской и Рудненской епархии.

В конце 30-х годов XX-го века в Кустанае закрыли, а затем и разрушили православную церковь на центральном городском кладбище. В 20-30-е годы было закрыто и разрушено немало церквей и молитвенных домов, но именно эта небольшая Кладбищенская церковь сыграла значительную роль в истории Православия на Костанайской земле.

История Кладбищенской Косьмо-Дамиановской церкви берет свое начало в первые годы основания г. Кустаная. Известно, что Косьмо-Дамиановская церковь была перестроена из первой церкви Кустаная – временной Свято-Никольской церкви, построенной еще в далеком 1884 году. До постройки Свято-Никольской церкви первые переселенцы, а поселение на месте будущего города официально было основано в 1879 году, в течении нескольких лет жили без своего храма. Для крещения, для отпевания умерших и исполнения других треб в Кустанай несколько раз в год приезжал из соседнего Троицка священник Павел Подобельский. Только в 1883 году Преосвященный епископ Оренбургский Вениамин II благословил устроить в Кустанае молитвенный дом, для которого и освятил 26 июля 1883 года антиминс. К 1884 году церковь была построена и освящена. По воспоминаниям современников, временная Никольская церковь представляла из себя «*...продолговатую избу стоимостью не более 400-сот рублей, и помещаться в ней в праздничные и воскресные дни, а особенно постом во время богослужений могла только 10-я часть молящихся. Ризницей, необходимыми книгами и утварью снабжена была из троицких церквей…»* [1].

Первая Кустанайская церковь была внешне ничем особо не примечательной: небольшая, деревянная, обитая тесом, без каких-либо изысков в своем оформлении. Первым настоятелем храма был священник о. Василий Гиляров, которого в 1883 году направили в Кустанай из г. Троицка. В течении 3-х лет, до 1886 года, о. Василий Гиляров был единственным священнослужителем в Кустанае. В 1886 году в Кустанай прибыл диакон о. Николай Страхов, а в 1887 году благочинным в Кустанай назначили священника о. Николая Малышева.

Изначально Никольская церковь рассматривалась как временная, рядом с которой на торговой площади предполагалось построить каменный собор в честь святителя Николая Чудотворца. Свято-Никольский собор, средства на постройку которого собирались по Всероссийской подписке, был построен в 1897 году. До 1900 года Свято-Никольский собор и временная Никольская церковь находились на одной соборной площади. По воспоминаниям современников, первое время, когда в соборном храме уже начались службы, а на соборной колокольне еще не были установлены колокола, созывали горожан к службе звоном колоколов с временной Никольской церкви, стоявшей рядом. Также на соборной площади находилась построенная в 1890 году Кирилло-Мефодиевская церковь-школа. Нахождение трех церквей рядом, на одной площади, было явно избыточным для небольшого провинциального города. Именно поэтому, когда в Кустанае поднялся вопрос о расширении городского кладбища, было предложено перенести Никольскую церковь на новое городское кладбище. Об этом свидетельствует, в частности, публикация в Оренбургских епархиальных ведомостях за 1898 год:

"...*Усадьбу города и поселка окружают: с северо-западной стороны местное православное кладбище. … Место под кладбище, хотя и довольно обширно, тем не менее уже переполнено могилами, и теперь предстоит неотложная необходимость в расширении его. С отстройкой собора предложено настоящую Никольскую церковь перенести на смежение с кладбищем место и около ее на свободном участке отвести новое кладбище*..." [2].

В 1900 году Никольскую церковь разобрали и перевезли на городское кладбище. На новом месте церковь, перестроенную из временной Никольской церкви, освятили в честь святых бессребреников Косьмы и Дамиана. В последующие годы Кладбищенскую Косьмо-Дамиановскую церковь использовали для проведения траурных мероприятий (отпевания, панихиды). Служили в церкви священники из Свято-Никольского собора, к которому Кладбищенская церковь была приписана. Своего штата в церкви не было.

В 1915 году Кладбищенскую церковь отремонтировали. Сообщение об этом сохранилось в клировых ведомостях Никольского собора за 1918 год: *«...Приписанные церкви к Никольскому собору: Кладбищенская Косьмо-Дамиановская церковь, зданием деревянная с таковой же колокольнею на столбах, обитая тесом, перестроена из временной Николаевской церкви в 1900 году, освящена 10 сентября того же года, отремонтирована в 1915 году. Опись церковного имущества заведена в 1884 году, хранится в целости, проверена в 1913 году. Копии метрических книг хранятся с 1 августа 1883*

года. Церковная библиотека содержит 115 томов...» [3]. Клировые ведомости Никольского собора за 1918 год стали последними, которые можно найти в архивных хранилищах России и Казахстана. Связано это с великими потрясениями, которые наступили в жизни церкви и государства после Октябрьской революции 1917 года.

В провинциальном Кустанае тихая и мирная жизнь закончилась в декабре 1917 года, когда в ночь на Рождество Христово власть в городе была захвачена революционными матросами из Петрограда и в городе ненадолго была установлена советская власть. В последующем, до августа 1919 года, власть в Кустанае и Кустанайском уезде неоднократно менялась. Смена власти сопровождалась, как правило, многочисленными жертвами, как среди военных, так и среди гражданского населения. Так, в апреле 1919 года, недалеко от Кладбищенской церкви, со стороны алтарной части храма в одной братской могиле были захоронены погибшие во время крестьянского (жиляевского) восстания. Число похороненных в братской могиле на городском кладбище у стен Кладбищенской церкви точно не установлено, но оно могло составлять несколько тысяч человек. В последующие годы братскую могилу огородили, установили памятник и в память о погибших здесь регулярно проводились траурные мероприятия [4][5][6]. Единственная фотография (фото 1), на которой можно увидеть Кладбищенскую церковь, была сделана в 30-е годы во время проведения митинга в честь годовщины Октябрьской Революции [4].

Фото 1. Ноябрь 1932 года. Примечание: *На заднем плане видна примыкающая к братской могиле Кладбищенская Косьмо-Дамиановская церковь* [4].

После окончательного установления советской власти в Кустанае, как и по всей стране, произошла национализация церковных зданий и сооружений. Храмы и монастыри в Кустанае и в Кустанайском уезде были национализированы. Государство разрешило службы в национализированных храмах, но верующие обязаны были взять церковные здания в аренду, зарегистрировав при храмах церковную группу или общину. С 1922 года в Кустанае были зарегистрированы группы верующих при Кладбищенской церкви, при церкви Иверского женского монастыря, Архистратиго-Михайловской церкви, Константино-Еленинской церкви и Свято-Никольском соборе [7].

В 1924 году Свято-Никольский собор был захвачен обновленцами – раскольниками. Создав по всей стране параллельные с канонической Русской Православной Церковью управленческие структуры, обновленцы с помощью светских властей стремились захватить как можно больше храмов, привлечь на свою сторону как можно больше верующих. В Кустанае, через несколько месяцев после захвата Никольского собора, обновленцы сделали попытку захватить и Косьмо-Дамиановскую церковь на городском кладбище. Сделать это им не удалось: прихожане и духовенство, во главе со священником Антонином Русановым, не позволили обновленцам захватить Кладбищенскую церковь [8].

К началу тридцатых годов Косьмо-Дамиановская церковь на городском кладбище осталась единственным действующим православным храмом в Кустанае. Еще в первые годы советской власти в Кустанае была закрыта Кирилло-Мефодиевская церковь-школа, в 1928 году сгорела Архистратиго-Михайловская церковь, в 1930 году городские власти закрыли Иверскую церковь женского монастыря, около 1932 года была закрыта Константино-Еленинская церковь. В начале 30-х годов были закрыты, разорены почти все сельские храмы. В Кустанайском Свято-Никольском соборе продолжали служить обновленческие священники, но прихожан в соборе было очень мало, число их постоянно сокращалось. Верующие Кустаная не приняли обновленцев. Произошло это во многом благодаря активному противодействию обновленцам со стороны кустанайского духовенства во главе с епископом Кустанайским Тимоном (Русановым). Очень активно против обновленческого движения в Кустанае выступали и монахини Иверского женского монастыря. Известно это в т.ч. и из свидетельских показаний обновленческого епископа Иоанна Житова, сделанных им на следствии в 1933 году: «…О*особенно (противодействие обновленцам) проявилось со стороны монашествующих Кустанайского женского монастыря, ныне закрытого. Вся*

эта община в большинстве проживает в г. Кустанае по частным квартирам и домам вместе с игуменьей, фамилии игуменьи я не знаю. Вся эта плеяда монахинь имеет родственников и хороших знакомых среди обывателей Кустаная и окраинных соседних поселков, вот она то и влияет на граждан родных и знакомых, объявляя обновленчество ересью, а обновленцев служителей церкви и верующих – отступниками от Христа. Ссыльные, монашествующие лица, в том числе и главным образом священнослужители тихоновской ориентации, все сгрудились вокруг ***Кладбищенской церкви****…»* [9].

Обновленческое движение в Кустанае прекратилось в 1935 году с закрытием Никольского собора. В августе 1935 года городские власти отобрали соборный храм у обновленческой общины. Прихожане и священники Кладбищенской церкви неоднократно писали прошения городским властям с просьбой о передаче им Никольского собора, ссылаясь при этом на многочисленность своей общины и на необходимость в связи с этим для церковной общины более просторного здания. Но все их просьбы были отклонены. В 1936 году городские власти использовали собор как склад для хранения зерна, чем окончательно привели его в аварийное состояние. В 1937 году Никольский собор разрушили.

В 1936 году в СССР была принята новая конституция, согласно которой вводилось всеобщее избирательное право. Ушло в историю такое понятие как «лишенец», или лишенный избирательных прав. Согласно предыдущей конституции избирательных прав лишались в числе других категорий граждан и служители культа – священнослужители и члены их семей, монашествующие, церковные старосты и т. д. До принятия новой конституции все духовенство Кладбищенской церкви, монахини и послушницы закрытого Иверского монастыря, многие из прихожан Кладбищенской церкви были лишены избирательных прав. Лишение избирательных прав подразумевало под собой невозможность устроиться на работу, невозможность для детей лишенных избирательных прав учиться в средних и высших учебных заведениях, означало отсутствие пенсий, пособий, а также очень высокие налоги, за невыплату которых грозила уголовная ответственность. В новой конституции 1936 года были и другие послабления в отношении церкви. Изменения в конституции наряду с некоторым ослаблением антирелигиозной пропаганды для многих верующих послужили сигналом, что отношение государства к церкви меняется, что государство становится более терпимым к верующим. Как следствие, люди стали более открыто исповедовать свою веру.

Это подтвердили и результаты Всесоюзной переписи, которая прошла в начале 1937 года, на которой больше половины опрошенных ответили положительно о своем отношении к религии, т. е. назвали себя верующими. Для государства это означало только одно – это был крах многолетней антирелигиозной политики, проводимой с 1918 года. Означало это и то, что репрессии в отношении верующих в дальнейшем будут только усиливаться, так как победить церковь и создать полностью атеистическое государство, без применения крайне жестких репрессивных и карательных мер, как оказалось, советское государство было уже не способно.

В Кустанайской Кладбищенской церкви к 1937 году также значительно выросло число прихожан. Стало больше в сравнении с прошлыми годами совершаться крещений, отпеваний и других религиозных треб. Это стало заметно и для светских властей. В июле месяце 1937 года в областной газете «Сталинский путь» была опубликована заметка следующего содержания: *«…Активизирует свою деятельность* ***Кладбищенская церковь****, в которой в последнее время участились случаи крещения детей. Бывают дни (воскресенья, выходные), когда в церковь приносят крестить по 10-15 человек. Обряд «крещения» иногда совершается над 10-12 «младенцами», а случаи крещения 3-5 летних детей очень часты. Это говорит за то, что родители этих детей не совершали над ними религиозных обрядов в течении ряда лет, а сейчас, из-за отсутствия массовой антирелигиозной пропаганды и оживления деятельности церковников решили «исправить» свои допущенные ошибки.* ***Кладбищенская церковь*** *стала областным центром мракобесия. Сюда для отправления религиозных треб приезжают верующие из окружающих районов за 50-90 и больше километров. Церковь в тоже время служит ночлежкой для всякого рода «странников» «юродивых» «калеков прохожих», которые сходятся сюда с разных мест…»* [10].

Неизвестно, стала ли эта небольшая заметка побуждением к действию для карательных органов, либо статья писалась для оправдания будущих арестов. Тем не менее, в Кустанайском НКВД, к августу 1937 года уже был готов список подлежащих к аресту [11]. Список включал в себя несколько десятков фамилий из числа священнослужителей, монахинь и мирян, прихожан Кладбищенской церкви. В конце августа 1937 года, когда в СССР повсеместно уже начались массовые политические репрессии, начались первые аресты и по делу церковников Кладбищенской церкви г. Кустаная.

Аресты начались в ночь на 28 августа. Были арестованы священники о. Петр Касенков и о. Василий Иорданский (фото 3), священник о. Иоанн

Ермилов, схимонахиня Сергия (Мария Якунина), монахиня Зинаида Балдук, монахиня Фелицата Климова, монахиня Екатерина Косенкова, Костенко Семен Самойлович, монахиня Евпраксия (Евдокия Липунцова), монахиня Зинаида Старожилова, монахиня Матрена Михайлова, монахиня София Пятак, монахиня Евпраксия Ромашкина, монахиня Варвара Хрипунова, церковный староста Степан Гаврилович Вязьминов, Рубин Даниил Григорьевич, Герасимова Фекла Лаврентьевна, Александра Дмитриевна Супонина. 14-15 октября по этому же уголовному делу, были арестованы игуменья Прасковья Водясова, монахиня Ольга Зотова, Забелина Домна Матвеевна [11]. 18 октября по постановлению тройки НКВД 13 человек из числа арестованных были приговорены к расстрелу, семь к заключению в ИТЛ.

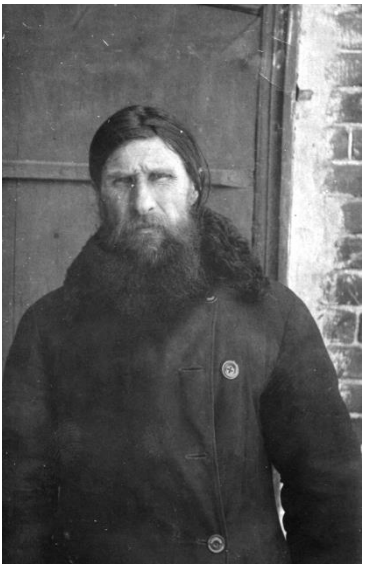


Фото 2. Священник о. Иоанн Ермилов [12].

Священник Иоанн Ермилов (фото 2) был расстрелян еще до вынесения ему обвинительного приговора. В уголовном деле нет даже протокола допроса о. Иоанна. 04 октября, когда отправляли на расстрел очередную партию заключенных, конвоир перепутал фамилию заключенного, которого должны были в этот день расстрелять. Вместо приговоренного к расстрелу Ермолаева Федора Михайловича из-за ошибки конвоира на расстрел отвезли о. Иоанна Ермилова, в отношении которого еще проводились следственные мероприятия. Позже, в объяснительной, виновные в «ошибочном» расстреле оправдывались тем, что священника Иоанна Ермилова все равно планировали приговорить к расстрелу, просто расстреляли немного раньше. Виновных в такой «ошибке» тогда даже не наказали.

В ноябре месяце аресты по делу церковников Кладбищенской церкви продолжились. 02-04 ноября были арестованы: иеромонах Рафаил Балабуркин, священник Павел Бондарев, священник Василий Костылев, монахиня Алефтина Акимова, монахиня Васса Акимова, монахиня Варвара Гадецкая, монахиня Засима Гордеева, монахиня Феодосия Давыдова, монахиня Анна Данилова, монахиня Анна Дробышева, монахиня Анна Каурова, схимонахиня

Крескентия Крюкова, монахиня Филарета Макагонова, монахиня Евдокия Мушкарина, монахиня Васса Пономарева, монахиня Серафима Харина, монахиня Марианила Щеглова, Захарова Евдокия Михайловна. Все они 21 ноября 1937 года были приговорены к ВМН – расстрелу. Расстреляны 23 ноября [14]. В этот же день, 23 ноября, вместе с осужденными по делу церковников Кладбищенской церкви, были расстреляны и двенадцать ссыльных священнослужителей, которые до ареста проживали в ссылке в п. Боровском Кустанайской области [15]. Расстреляли и похоронили их в одной общей могиле.

С началом арестов, с августа 1937 года, службы в Кладбищенской церкви прекратились. Больше года церковь стояла пустой, закрытой. Какое-то время в священническом доме при Кладбищенской церкви жила с детьми Евдокия Ивановна Иорданская, вдова расстрелянного в октябре 1937 года священника о. Василия Иорданского. 03 августа 1937 года, незадолго до ареста о. Василия, в его многодетной семье родился одиннадцатый ребенок, сын Анатолий. В мае 1938 года, уже после расстрела о. Василия Иорданского, многодетной матери Евдокии Ивановне Иорданской, на малолетнего сына Анатолия, постановлением Горсовета было выделено денежное пособие от государства [16]. Дальнейшая судьба семьи о. Василия Иорданского, его супруги-вдовы и одиннадцати детей-сирот неизвестна. Кладбищенскую церковь в октябре 1938 года, как недействующую и бесхозную постановлением Президиума Кустанайского Горсовета передали в введение Горфинотдела [17]. В июле 1939 года постановлением Президиума Кустанайского Горисполкома здание церкви было передано русскому педучилищу с предписанием перенести его на другой участок [18]. Вероятно в этом же году Кладбищенская церковь была разобрана и перенесена на новое место.

Фото 3. Священник о. Василий Иорданский [13].

Монахини, приговоренные по делу церковников Кладбищенской церкви к тюремному заключению, освободились в 1947 году, но вскоре, в 1949-1950 гг. вновь были арестованы и приговорены к ссылке. Только в конце 50-х годов

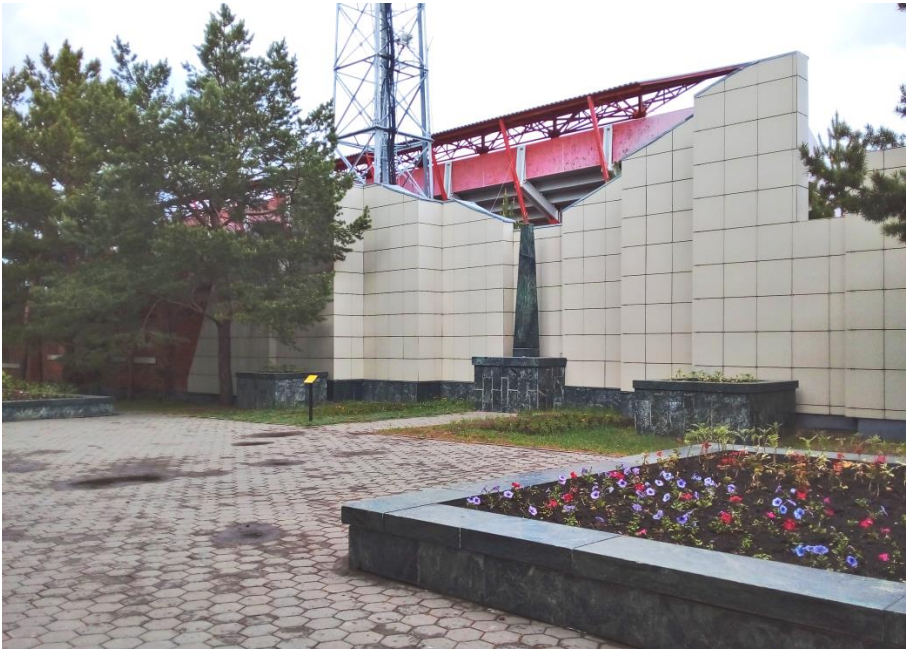
с них были сняты все обвинения, и они были полностью оправданы и реабилитированы. Реабилитация же всех пострадавших по делу церковников Кладбищенской церкви произошла позже, уже в 90-е годы. В эти же годы начали появляться первые подробности о тех трагических событиях [19]. По данным из открытых источников известно, что в 1939 году на отдельных сотрудников Кустанайского НКВД было заведены уголовные дела. Их обвиняли в пытках, истязаниях заключенных, подделке протоколов, необоснованных арестах и т. д. В 1941 году начальник Кустанайского НКВД и начальник Карабалыкского УНКВД были приговорены к расстрелу, трое сотрудников НКВД приговорены к различным срокам заключения. Многие из расстрельной команды были уволены со службы по причине психических расстройств.

За свои религиозные убеждения в годы гонений на Костанайской земле пострадали многие сотни православных христиан. Это были и лишенные избирательных прав, и сосланные в ссылки, и приговоренные к исправительным работам, тюремному заключению, либо приговоренные к расстрелу. Но репрессии по делу церковников Кладбищенской церкви в г. Кустанае были одними из самых массовых и жестоких. В память о тех трагических событиях, а также в память о всех за веру во Христа в годы страшных гонений на церковь пострадавших, с 2017 года в Костанайской области проходит ставший уже традиционным Крестный ход. Крестный ход протяженностью около 17 километров начинается у храма Казанской иконы Божией Матери в г. Тобыл и заканчивается у места массового захоронения расстрелянных в 1937 году возле поселка Новоселовка [20]. Крестный ход проводится 28 августа, на Великий Православный Праздник Успения Божией Матери и по дате символично совпадает с началом арестов по делу Кладбищенской церкви, небольшой церкви, которая оставила большой след в истории Православия на Костанайской земле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Оренбургские епархиальные ведомости (далее: ОЕВ), 1898 год, №10 (неофициальная часть), стр. 391-392, статья "Кустанай", автор статьи священник о. Петр Гордеев.
2. ОЕВ, 1898 год, №11 (неофициальная часть), стр. 411, статья "Кустанай", автор статьи священник о. Петр Гордеев.
3. Государственный архив Костанайской области (далее: ГАКО) Ф.1010 Оп.1 Д.3. Клировая ведомость Свято-Никольского собора г. Кустаная за 1918 г.

4. ГАКО. Собрание фотодокументов. Опись 1-П, Том 1, Фото 506. *Выступает секретарь райисполкома И.П. Артемьев на братских могилах павших борцов. 07 ноября 1932 года.*
5. Братская могила Героев Гражданской войны представляла собой две земляные насыпи (40 х 6 м). В 1930-е гг. на месте массового захоронения был установлен деревянный обелиск. В 1951 году деревянный обелиск заменен на железобетонный. В 1979 году, к 100-летнему юбилею города, на месте железобетонного обелиска устанавливается стела. В 2008 году при благоустройстве территории Парка Победы холмы братских могил разровняли, на этом месте разбиты цветники и выложена тротуарная плитка. В память о событии установлена новая стела. Источник: https://kraeved-kst.kz/ru/pamyatniki-mestnogo-znacheniya/o-regione/pamiatniki-istorii-i-kultury-goroda-kostanaia-mestnogo-znacheniia/bratskaia-mogila-geroev-grazhdanskoi-voiny-1918-1919-gg.html
6. Стела в Парке Победы г. Костаная, которая установлена в память жертв Гражданской войны, на месте массового захоронения погибших в 1919 году. Место, где находилась Кладбищенская церковь, находится по левую сторону от памятника. Фото автора, май 2022 г.



7. ГАКО, Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 1.
8. Газета «Красная степь». Печатное издание Кустанайского Губкома РКП (б) и Губисполкома. № 77 (674) от 21 августа 1918 года. Заметка в рубрике «Из духовного мира».
9. Специальный Государственный архив информационно-аналитического центра Костанайской области (далее: СГА ИАЦ ДП КО) – 02426, уг. сл. дело № 190584. 1933 год.
10. Газета «Сталинский путь», от 08 июля 1937 года, №155. Статья «Воинствующие бездельники».
11. СГА ИАЦ ДП КО, Фонд №2, арх.-сл. дело №2275
12. Священник Иоанн Ермилов, арестованный в 1937 году по делу церковников Кладбищенской церкви. Фотография из уголовного дела 1932 года. Ист. ОГАЧО Ф. Р-497. Оп.3. Д.8438.
13. Священник Василий Иорданский. Фотография из уголовного дела 1932 года. Ист. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 354.
14. СГА ИАЦ ДП КО, фонд №2, арх.-сл. дело №02489, уг. дело №0236
15. СГА ИАЦ ДП КО, фонд №2, арх.-сл. дело №0906, уг. дело №253
16. ГАКО Ф.152 Оп.1 Д.69 Л.189. *Протокол №20 заседания Президиума Кустанайского Городского Совета Депутатов Трудящихся от 10 мая 1938 года. О выдаче Госпособия многодетной матери гр. ИОРДАНСКОЙ Евдокии Ивановне. ПОСТАНОВЛЕНИЕ: На основании ст. 10 постановления ЦИК и СНК СССР о 27.06. 36 г. утвердить гос. Пособие многодетной матери ИОРДАНСКОЙ Евдокии Ивановне, рождения 1894 г., проживает русское кладбище г. Кустаная, имеющей 11 детей в сумме 5000 рублей на последнего ребенка, сына Анатолия рожд. 03.08 37 г. Пособие начисляется с 03.08.1937 г. Просить Кустанайский Облисполком утвердить.*
17. ГАКО Ф.152 Оп.1 Д.71 Л.20-21. *Протокол №63 заседания Президиума Кустанайского Городского Совета Депутатов Трудящихся от 29 октября 1938 года. О муниципализации церковно-приходского строения находящегося в г. Кустанае, в центре кладбища /вносит Куровский/. ПОСТАНОВЛЕНИЕ: На основании декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 30 ноября 1925 года и представленного акта Горжилуправления, церковно-приходское строение деревянное, кровля железная, в течении года, т. е. с августа месяца 1937 года не эксплуатируется /пустует/ приходит в негодность, как бесхозное передать Горфинотделу.*

18. ГАКО Ф.Р-250 Оп.1 Д.10 Л.50. *Протокол заседания президиума Кустанайского горисполкома об использовании зданий церкви и мечети от 03 июля 1939 года, выписка №22. ПОСТАНОВЛЕНИЕ: 2) помещение бывшей церкви, находящееся на кладбище, передать русскому педучилищу под общежитие с переносом на другой земельный участок.*
19. Примечание: одной из первых публикаций была статья «Зловещий 37-й» в областной газете «Ленинский путь», 1991 год. Автор статьи, писатель и публицист, заместитель начальника УКГБ по Кустанайской области в 50-70 годы Серик Шакибаев.
20. Материалы с официального сайта Костанайской и Рудненской епархии: http://kst-eparhiya.kz/

ТЕМА ПРАВОСЛАВИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ковалева Ангелина Олеговна,
сотрудник информационного отдела
Костанайской и Рудненской епархии

Классическая литература

Художественная литература, как вид искусства, всегда наиболее ярко и образно воплощает идеи и замыслы, которые автору хотелось бы донести до читателя. Слово, как инструмент, именно в художественной литературе приобретает еще одну немаловажную особенность – оно воздействует на эмоциональную сферу восприятия человеком информации. Через художественные тексты, истории, описания событий читатель знакомиться с явлениями той или иной культуры, деятельности, религии и др.

В течение многих веков Православие оказывало решающее влияние на формирование русского самосознания и русской культуры. Русская литература XIX века справедливо считается одной из высочайших вершин мировой литературы. К примеру, великий русский поэт А.С. Пушкин многократно обращался к религиозной теме. Биографы утверждают, что свой духовный путь Пушкин прошел от полного отрицания Бога и безверия в юности к осмысленной религиозности зрелого периода. Пройдя этот путь, Пушкин занял место не только в истории русской и мировой литературы, но и в истории Православия. Его сказки пронизаны народной мудростью, воспитывают в людях нравственную чистоту, а его прозаическую повесть «Капитанская дочка» называют «самым христианским произведением в мировой литературе».

Другой великий поэт М.Ю. Лермонтов был православным христианином, и в его стихах неоднократно возникают религиозные темы. М. Лермонтов хорошо знал Священное Писание: некоторые его стихотворения являются переработкой библейских сюжетов, многие эпиграфы взяты из Библии. Михаил Юрьевич также является автором цикла стихотворений – переложений Давидовых псалмов.

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка,
Тогда смиряется души моей тревога,

Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога…
(М.Ю. Лермонтов)

Поэт Константин Бальмонт очень много писал о Боге и вере, также был православным христианином, и это всегда очень чутко и ярко отражалось в его поэзии. Для его творчества характерно написание небольших, но очень чутких, возвышенных стихов о Боге и христианской вере. Бальмонта можно назвать поэтом-проповедником, подарившим русской литературе множество произведений, воспевающих Бога и Его творение.

Не только поэты, но и писатели посвящали свои произведения православной теме. Бессмертна и проза Н.В. Гоголя. «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Сорочинская ярмарка», «Ночь перед Рождеством», «Старосветские помещики», «Майская ночь или утопленница», знаменитый «Вий» и др. О духовном пути Николая Васильевича Гоголя писали и многие биографы. Известно, что Гоголь жил, как инок, хотел принять монашество, часто приезжал в Оптину пустынь, но старец Макарий сказал, что его труды нужнее на литературном поприще. Иеромонах Симеон (Томачинский) - директор издательства Сретенского монастыря, кандидат филологических наук, автор диссертации о Николае Васильевиче Гоголе называл его самым церковным писателем в русской литературе. Темы взаимоотношения человека и Бога, греха, нравственных страданий, духовных переживаний Гоголь поднимает практически в каждом своем произведении.

В ряду классической литературы особенным вниманием наделяется творчество Ивана Шмелева. Ивана Шмелева называли «певцом сияющей православной души». Его рассказы, описанные от лица мальчика «Лето Господне», «Богомолье» пропитаны духом русского православия дореволюционной России. Стиль образный, красочный, воздушный, мягкий и восторженный одновременно. Книга Ивана Сергеевича Шмелева «Лето Господне» поднимает одну из актуальных проблем современности: возрождение русского духовного начала. Она помогает ощутить духовную близость со своими предками, прикоснуться к истокам веры, воспитать чувство любви к родной земле. Смысл жизни, по Шмелеву, заключается, прежде всего, в служении родной земле, в поддержании ее традиций, обрядов, верований.

Современная литература

Если мы обратимся к современной литературе, то в последние десятилетия значительно возросло количество писателей, которые пишут о православии.

Одним из ярких представителей такого творчества – Наталья Сухинина и ее сборники рассказов «Где живут счастливые», «Какого цвета боль» и .т.д. Творчество писателя легко, реалистично. К примеру, книга «Какого цвета боль» содержит художественные очерки, основанные на реальных историях женщин, оказавшихся в местах лишения свободы. Взгляд на грех, на судьбу, на предназначение с позиции женщины, оказавшийся в тяжелой жизненной ситуации отображается в данных произведениях. Истории эти захватывающие, интересные, позволяющие понять, увидеть, простить отчаявшуюся душу. А еще это сборник историй о том, что в жизни всегда есть выход, и что он в покаянии, в свете, в попытке наладить свои отношения с Богом.

Истории, описанные писательницей, всегда имеют не только ознакомительный и эмоциональный подтекст, но еще и нравоучительный. Стоит отметить, что подобный прием в литературе следует применять с осторожностью, большой внимательностью и чуткостью.

Братство «Новая Фиваида» на Святой Горе Афон издала рукописи иеромонаха Симона Безкровного (монаха Симеона Афонского) под названием «Птицы Небесные или странствия души в объятиях Бога», являющиеся дневниковыми записями прошлых лет. В первой части книги повествуется об удивительной истории жизни самого автора, о трудных путях поиска Бога в различные периоды жизни нашей страны и о становлении в монашеской жизни под руководством выдающегося старца и духовника архимандрита Кирилла (Павлова). Это повествование служит духовным стержнем нелегкого процесса преображения души — начала молитвенной жизни и обретения благодати. Во второй части книги реально показано формирование души в Православии и стяжание непрестанной молитвы, а также, с искренним доверием к читателю, рассказывается о встрече с новой благодатной жизнью во Христе, с ее трудностями, ошибками, неудачами и обретениями. Рукописи во всей возможной полноте раскрывают нам сокровенное общение со старцем и с большой теплотой являют нам его мудрый и святой облик. Кроме этого, вместе с автором мы встречаемся с другими духовными отцами и подвижниками, чьи советы и поддержка помогли ему в трудные моменты его нелегкой жизни.

На мой взгляд, рассказ, где присутствует описание взаимоотношений Бога и человека, непременно должен закончиться хорошо. И даже если в

случае, как это случилось в «Лето Господне», где мальчишка теряет отца – эта его потеря была с надеждой на Царство небесное, на то, что с отцом он еще непременно встретиться. Что-то подобное происходило и в известнейшем произведении Достоевского «Братья Карамазовы», несмотря на обилие сюжетных линий, мрачных описаний, трагический финал – повествование заканчивается на светлой ноте, с надеждой, что все непременно закончится хорошо. Известнейшая речь Алексея Карамазова у камня – своеобразный посыл к тому, чтобы заглянуть в будущее с надеждой и упованием.

КАК КОЛЯ ДОКТОРА ЖДАЛ

Ковалева А.О. Рассказ.

Мама уже долго лежала в своей спальне. Месяца два… Иногда только Сонечка заходила туда поменять салфетку на столике и полить цветок. Я старался просунуть в этот момент свой нос в щёлочку, посмотреть на болеющую маму, но Соня тихо шипела, цокала и плотно закрывала дверь. Папа беспокоился за меня, думал, не выдержу, если увижу маму такой больной.

Я бежал в сад. Сегодня там всё звенело, капало, но солнца не было. Весна по пятницам серая, не солнечная. Я не придумываю. Уже шестая весенняя пятница и ни в одну не случилось солнца. Я взбирался на деревянные доски, с которых иногда Андрей Семёнович – наш управитель, мастерил табуретки или будку для Лисицы – эта наша собака. Андрей Семёнович был немой и одноглазый, и очень добрый. Когда бывал на рынке, привозил мне сахарного петуха, доставал из кармана всего в волосах, табаке и прочем мелком мусоре. Взобравшись на доски, свежие, вкусно пахнущие, я стал считать спадающие капли с самой длинной сосульки. Она опасно висела над будкой Лисицы, а та виляла хвостом, стоя на этой самой будке, ни о чем не подозревая. Скрипел штакетник, сосед чистил мокрый снег у ворот, было слышно глухой скрежет его лопаты.

- Весна… – вдруг прошептал я, и увидел в окне Сонечку. Она грозила мне своим длинным пальцем.

Я зашмыгал носом, стал мучительно вспоминать, что натворил, но ничего не вспомнил. И двойку мне по арифметике сегодня не поставили, но только в дневник не поставили, а так-то…эх, есть она… лебёдушка, в журнале изогнулась.

Захотелось мне вдруг разлечься на досках и полежать минуту. Я и разлёгся. Надо мной – молочное тайное небо, словно там ещё была зима и

плакала, что землю уж точно уступила молодому апрелю. Я одним глазом взглянул в окно. Соня негодовала. Ее тоненькая ручка превратилась в маленький кулак. Я помчался домой.

- Доски ледяные! Мокрые! Он на них загорать вздумал! – кричала она.

Я виновато стоял на пороге и чувствовал, как мурашки бегают по спине. Я никогда не вступал в споры. Меня ругали, я молчал и шмыгал носом, а иногда начинал реветь. Но не из-за того, что мне за себя обидно. Мне за Василия Васильевича!

А дело было одним зимним вечером, год назад. Папа мне читал книгу Ивана Шмелёва. Она называлась «Лето Господне». И там хозяин ругал своего управителя Василия Васильевича. Нет, хозяин был хороший, и управитель хороший. Просто чуть-чуть не поладили. Но он так сильно его ругал! Ой-ёй! Я ещё прослушал и не понял за что. Но Василий Васильевич вдруг засунул руки в карманы, они у него, наверное, замёрзли, потом хозяин дёрнул его за плечо и у него нечаянно из кармана выпал обгрызенный солёный огурец и сухой кусочек черного хлеба. И я на этом моменте как разревусь…

Папа мой не сообразил. А я как будто увидел беднягу – работника, признавшего свою вину, и этот огурец с хлебушком. Такой трогательный момент. А потом, когда Василий Васильевич подобрал огурец и стал грызть, опустив глаза в ботинки хозяина, я взвыл в голос.

Вот и сейчас я старался вспомнить про пирог в духовке, про то, что папка сейчас приедет и привезет орехов целую корзину и про то, что в воскресенье будет большой праздник. Я всё старался вспомнить, кроме Ивана Шмелева и Василия Васильевича.

Соня вдруг смягчилась. Подошла, стянула с меня шапку, мокрое пальтишко, заставила снимать ботинки и тащить на кухню, к печи. Вот здесь-то была радость! Пахло пирогом, горел яркий свет, со стены грустно смотрела Богородица. Снова приступила радость, такая тоненькая, а потом ещё разгорелась, когда из глубины дома послышался голос отца, а следом Сонечкин, как гром среди ясного неба:

- Матушка уже две недели ни ест ничего и три дня воды не пьёт. Как бы в воскресенье не отошла…

- Да ну тебя, болтаешь? Коля где? Вдруг, услышит?

Я спрятался за печь, собрался с мыслями и выбежал навстречу отцу. Он подхватил меня на руки, закружил, чмокнул в лохматую макушку.

Весь вечер мы сидели с ним на полу в кабинете и разбирали осенние листики, клеили в серый альбом.

- Это… – показывал мне отец матовую светло-зеленую стрелочку, – это облепиховый.

- А это клён… – я показывал свой граненый желтый листик.

В коридоре стукнула дверь. Сонечка вышла из материнской спальни с подносом в руках. Отец посмотрел на нее, она сокрушенно покачала головой. Мол, ничего из еды матушка не тронула.

Отец погрустнел, и я. Хотелось у него спросить про маму, но я не решался.

- Иван Петрович, тут такое дело… – скрипнула дверь, и кто-то из папиных работников его позвал. Когда отец поднялся и вышел из дому, я прокрался к маминой спальне. Тихо отворил дверь и вошел. А пахло здесь по-прежнему маминими духами и топленым воском, только окна зашторены и слышно апрельскую капель. Я не решался подойти к ней близко. Она недвижимо лежала на постели, я даже грешным делом подумал, что она…

- Коленька… – вдруг слабо произнесла мама.

Я вздрогнул и стал маленькими шажочками подходить ближе к ее постели.

- Ну, расскажи, сынок, как ты?

Я увидел маму. Нет, не маму…или всё же ее? Только где ее румяные полные щёки, карие задорные глаза, прямо как бусины у Сонечки в комоде, где красивые мамины губы? Только реснички тёмные, и слишком глубокие ямочки на бледных щеках.

- Соня ругала… – промямлил я.

- За что?

- Я на досках мокрых лежал…

Мама стала тяжелее дышать, и я испугался, стал не произвольно поглаживать ее ручку, прямо как у меня ручка – маленькая, худенькая. И вдруг, я всё понял.

Я понял, что моя мама умирает. Я вдруг осознал. И перестал слышать капель, слышал только ее дыхание, я слышал ее голос, я не видел, как горела свеча на подоконнике, я видел только то, что было в комнате очень темно. Она лежала, и казалось, жизнь в ней еле держится, немного дрожит и боится, и я боялся представить какого ей. Я рассматривал белый платочек, морщинки на лбу, длиннющие дрожащие ресницы. Мама умирает. Я боялся сесть на

уголочек ее кровати. На потолке играли тени: оголенная вишня за окном, застыла, как каменная, а я вспомнил сегодняшнее небо надо мной, Сонечку в окне, запах пирога, его вкус. А ведь в это время, в моём доме умирает моя мама. Есть ли что-то страшнее? - вдруг подумал я и ничего не могу придумать более. А за окном взвыла Лисица, и я заткнул уши.

Мама заснула. Я вышел из ее спальни, оставив спящую, в медовом свечном мраке. Отца не было, Сонечка вышивала в гостиной. Я встал на пороге, чуть приоткрыв дверь. Сонечка взглянула на меня. Коса, огибавшая ее голову, растрепалась, из нее выбивались пряди и мешали ей смотреть. Совсем она на маму не похожа. Папка, вылитый…

- Ну чего, Николенька? Спать?

- Соня, а мама выздоровеет?

Она вдруг опустила глаза в вышивание, сделала крестик, потом отложила работу и подозвала меня к себе. Я присел рядом с сестрой.

- Вот уж мы с тобой в воскресенье пойдём перепелов пускать!

- А в прошлом году жаворонка пускали!

Я вспомнил, как мама гладила меня по голове, жалела на площади, когда я уже скучал по птичке, не успела она ещё вспорхнуть.

- Да… – Соня задумалась.

Через время я заснул у сестры на руках, и снилась мне мама. Она выпускала странных птичек из клеток и всё звала: «Николенька! Николенька!»

Я проснулся среди ночи, когда папа нёс меня в мою постель. Пахло от него морозно и сладко.

Суббота. Андрей Семёнович стучит по крыше, латает. Я, укутанный в одеяло, сижу на крыльце. У мамы доктор. И все ходят смиренные, тихие. Отец вместе с доктором там, у неё. Вдруг застучало, заскрипело, мамина дверь отворилась. Доктор вышел, за ним понуро шагал осунувшийся отец.

- Говорите, я третий доктор, который ее смотрит? Ну что ж, я не Господь Бог, Иван Петрович… уж, не взыщите! – услышал я и обмер. Вспомнил мамино лицо, и захотелось плакать. И вдруг!

- А что! – я скинул одеяло и посмотрел на грустного отца.

- Ты чего кричишь? – на крыльцо вышла Соня.

Но в ответ я лишь покраснел. Решительность бушевала во мне, и щеки залил румянец. Я чувствовал, как он горел. Я помчался на кухню, туда, где

грустно со стены смотрела Богородица. Мама говорила, что если ее попросить, она попросит Бога и он ее точно-точно послушает. Ну как же я сразу-то не догадался? Надо Богородицу попросить! То-то она грустно смотрит! Мы дома мало молимся, только по праздникам, надо у Заступницы помощи просить в таких делах. Мама же часто говорила.

Я встал перед иконой и замер.

- Богородица… – прошептал я и испугался, как бы лишнего не сказать.

Я застыл. Огляделся. Снова посмотрел в глаза Богородице. А потом в глаза ее Младенцу. А потом закрыл свои ладошками, и стало больно-больно…

- Богородица, попроси Бога, пусть он к маме придёт, посмотрит ее, а то все доктора смотрели, сказали, что только Бог… ты уж попроси. А я никогда-никогда за это не буду никого огорчать.

Я снова расплакался. И так, опустивши лицо в ладони, ушел в спальню.

Весь день я ждал. Я знал, что Бог придёт как чудо, не слышно, не видно, но все равно прислушивался. То Андрей Семёнович чем-то стукал, то на кухне в печи дрова сильно громко затрещат, то вода с крыши капает, как шаги… Всё мне чудилось. Я никому не рассказывал, что к маме должен прийти ещё один Доктор, да только совсем не такой, другой… настоящий. Вдруг тогда и Сонечка, и папа разволнуются, будут сидеть рядом с мамой весь день, в ее комнате. Только я почему-то думал, что ее, напротив, не надо тревожить.

- Ты чего молчишь весь день, и какой-то странный, а Николай? – отец потрепал меня за щеку.

- Я? Нет! Да я так…

- Понимаю, сынок… ничего, обойдётся.

Соня не выходила из своей спальни. Я было решился к ней постучать, но папа отрицательно покачал головой:

- Пусть отдохнёт…

Мы с отцом пошли во двор. Вместе лежали на досках, они чуть подсохли, потому что сегодня уже не пятница, а суббота, в субботу всегда солнце. Оно и подсушило. Весна радовалась, вкусно пах воздух, ещё зимой, но талой, воздушной, лёгкой и такой далёкой-далёкой… В небе плыли пушистые белоснежные фигуры, меняли формы. Мы с папой смотрели на них и мечтали, каждый о своём. Хотя, сейчас, наверное, об одном и том же.

- Эх, Коля… у тебя же с арифметикой совсем беда! – вдруг почему-то сказал папа, раньше хоть мама с тобой занималась… – сказал он и осекся.

- Всё у меня будет с этого года хорошо с арифметикой! – возмутился я.

- За ум возьмёшься, стало быть?

- А как же!

Папа усмехнулся, а я тише добавил:

- Я обещал…

- Что обещал? Кому?

- Не огорчать… обещал.

А кому, не решился сказать.

Папа и не переспрашивал. Замолчал, захмурел, даже глаза заблестели. Я ещё полез смотреть, в действительности ли заблестели, смутил его.

- Ну, будет! – воскликнул он, – пойдём!

Вечером Соня вошла и тут же вышла из маминой спальни. Она спала. Я заскучал. Слонялся по дому без дела. Снова крутилось в голове: «мама умирает…». И я побрёл к Богородице.

- Наверное, Он придёт ночью… да, наверное, ночью. Ты же только, Богородица, пожалуйста, напомни. Пусть заглянет, на чуток. Пусть скажет маме, как поправиться, какого лекарства попить, а? А то у меня с арифметикой плохо, мне мама нужна, чтобы объясняла, мама нужна, чтобы ещё что-нибудь про тебя рассказывала…

Я замер. Может, что-то не то говорю? Или то? Задумался, а надо ли говорить Богородице, зачем мне мама? Она ведь знает всё, у неё Младенец на руках, Спас наш… она знает всё и без моих рассказов.

Перед сном, в рубахе, я снова заглянул к своей умирающей маме. Она спала. Я осторожно поцеловал ее в лоб, посидел с ней чуточку, гладил по руке. Мама моя нежная, ласковая… Я помню, как она укрывала одеялом, причёсывала волосы, нарочно смеялась над моими шутками, даже если они совсем не смешные. Я вспомнил, как она рыбий жир мешала с мёдом, чтобы не было так противно, а папе давала ложку так, без прикуски. Нас мама жалела. А ещё я вспомнил, как мы собирали ягоды в Боровках, в лесу у берёзовой рощи. Мама так пела, что я потом стал каждый вечер просить ее спеть. Вот бы и сейчас послушать ту песню. Я подумал, что весь мир – это моя мама. Какой бы праздник я не вспомнил, я больше всех помнил маму. Маму в жёлтом сарафане на Троицу с березовыми ветками в руках. Я помню маму в черном папином кафтане в дождь, зовущую нас забияк домой – грязных и счастливых. Помню мамино ласковое по утрам: «рыбки мои». И уже никакой трогательный момент с Василием Васильевичем не мог сразиться с моей теперешней болью…

На этот раз ветки вишни, отражающиеся на потолке, немного покачивались от ветра. Деревенские мальчишки говорили, что лёд идёт по реке. Вот бы туда, да не могу… А ведь там сейчас воздух солнечный, всё звенит, радостно! Мамочка, только бы Бог помог тебе, и тогда мы бы вместе сходили к реке. Я бы показал тебе, как здорово бьются самодельные лодки о края льдин, как настоящие суда о настоящие айсберги. Или как сами льдины похожи на туманные белые бригантины. Так хочется туда забраться и поплыть в Африку или впасть в Тихий Океан! А ещё льдины, как облака! И вот если бы, также как на льдину, можно было взобраться на облако. Представляешь, мама! Вот бы я тогда всех-всех ангелов бы попросил, чтобы они привели к тебе Бога…

- Коля! Коля! Вставай завтракать! Да пойдём птичек на площадь пускать!

Благовещенье! Соня стоит надо мной, в розовом платьице, с распущенными волосами. Я первым делом спросил:

- А мама?

Соня погрустнела:

- Папа у неё.

И вдруг раздался папин голос:

- Дети! Дети! – он влетел в комнату. – Мама две ложечки молочка попросила!

Я вскочил. Соня схватилась за грудь.

Я помчался на кухню. Там служанка тащит ведро с парным молоком. Соня уже неизвестно как, оказалась здесь с кружкой. Ей не терпится набрать, я ищу самую большую ложку. Папа смотрит на нас и в глазах его слёзы. Теперь он не смущается.

Мы ворвались в мамину комнату. Я в пижаме, босой… Соня растрепанная.

Мама лежит на подушках, водит глазами по комнате. Туман. Туман. Всё как в тумане. Папа ущипни меня, не сплю ли я?

Мы обступаем ее. Соня осторожно набирает тёплого молока, протягивает маме.

Я расплакался. Смотрю то на Соню, то на папу, то на маму… и у меня глаза наполнились слезами. Подбородок стал похож на абрикосовую косточку.

- А ведь приходил, приходил! – громко сквозь слёзы говорю я.

Дверь в мамину комнату то отворялась, то затворялась. То Соня заглядывала, то я. Мама сняла платок. Ей расчесали волосы, заплели. Она ещё очень слабая. Меня одели в белый костюмчик, коричневые башмачки,

прилизали волосы. Скоро мы поедем выпускать птичек на площадь. Так всегда делают в Благовещенье. Когда маму все, наконец, оставили в покое, я осторожно вошел. Она повернула голову, улыбнулась.

- Мама… – осторожно начал я, подойдя ближе, – а к тебе сегодня кто-нибудь приходил?

- Ты, Сонечка, папа…

- Нет, ночью! Когда мы все спали?

Мама словно или что-то знала или заподозрила:

- Ну, Коленька, я же спала. Может, кто-то и был.

Я задумался. Послышался голос отца. Пора было ехать.

Но я припал к маме, уткнулся в ее руки и замер.

- Коля, ну, езжай сынок! Повеселись.

- Не хочу, – буркнул я, – хочу с тобой.

- Сынок… – она глядела на меня с улыбкой и ноткой возмущения, – тебе надо выпустить птичку. Поблагодарить Богородицу.

Мама засияла. Я встрепенулся. Вскочил, поцеловал ее в руки… и помчался на улицу.

- Запрягаааай! – крикнул я Андрею Семёновичу с крыльца.

Соня шла следом с клеткой, за ней папа. У них перепела. А мне, как младшему, достался жаворонок.

И мы ехали на площадь. В нашей повозке ехало солнце. Даже мой жаворонок пел, сидя в клетке. Уж он-то знал, что сегодня он полетит к облакам, что сегодня Благовещенье, что сегодня свершилось настоящее чудо!

СОЧЕЛЬНИК

Ковалева А.О. Рассказ.

Когда-то Павел Алексеевич вставал ранним утром шестого января и брел с салазкой в лес. И только к обеду привозил пушистую, ароматную ель, мохнатую, сине-зеленую, молоденькую. Как найдет Павел Алексеевич лесную красавицу, походит вокруг, напоет что-то плачевное, а потом перекрестится, и ну стучать топором, нарушая зимнюю прекрасную тишину леса. А елочка снег сбрасывает, с каждым ударом топора сыплет, сыплет бесшумно.

Дома елочку встречает Иванушка. Услышит – отец калиткой скрипнул, сунет босые ноги в теплые валенки с печи, накинет материнский бушлат, и стоит на пороге – румяный, радостный:

- Папка! Ну, папка! Какую принес-то! А мы песка уже с водой намешали в кадке... Та не отряхивай, так сойдет! Со снегом... нальет – и ничего!

Они вваливаются втроем в дом и приносят дух леса, сосновый густой аромат. Здесь уже пахнет медом, пшеницей, мочеными яблоками. Впереди коливо, кутья сочельника – солнечная, с изюмом сладким-сладким, с медком донниковым... А Иванушка ходит вокруг елки и дышит-дышит, и сладко цокает и приговаривает: «Ну, папка...».

Ай, какое это было утро! Аж скулы сводило от холода и удовольствия. Матушка разглядывает елку, улыбаясь, поглядывает на мужа – тихая, как лесное утро. Павел Алексеевич глядит на нее с любовью, и в доме будто притаилось чудо.

Ель расположилась под иконами в углу – красавица, ветви еще больше распушила, мол, наряжай, Ванечка.

- Вот уж пахучий у нас хлев в этом году, где корзина, Иван? – спрашивает мама Анюта.

А Иванушка уже тащит – в корзине той орехи в фольге – золотистой, серебряной. Папка с заработок шоколаду навез, оттуда и фольга. На нитях шишки крашеные, игрушки (бережно их мама запеленала в вафельные мешочки) – шары лиловые – пять штук, шишек штук восемь разного отлива, три пластмассовых коника – всё Ваня любовно развешивает. А под елку самое нарядное принесли. Почитай с начала Рождественского поста Павел Алексеевич вместе с сыном мастерил тот самый хлев, он еще пах свежим деревом, внутри золотил соломой, а там, в глубине – разгляди и ахнешь – фигурки как живые – как с иконы Рождества. Больше всего Ваня любовался

склоненной над колыбелью Младенца Христа барашкой. Мог глядеть часами, и всё думать, как должно быть радостно рождественской звезде возвещать большому миру о таком маленьком человеке, о таком маленьком Боге.

Мама Анюта зажгла лампадку у вертепа – и в хлеву будто стало теплее.

А ближе к вечеру Павел Алексеевич запряг лошадей – все праздничное – седло, повозка, дышло... Соседи приходили разряженные, женщины в алых платках с накрученным непослушным локоном справа иль слева, кричали: «со святым вечером! Со святым сочельником!».

Но его Анечка самая красивая: в пух белый обмотается, а из-под пушистой светлой челки только глазища голубые. Иван к матери прижимается в той повозке и клекочет у него сердечко и душа от радости заходится, когда по снегопаду до храма в деревню ехали – через ухабины, сопки, под дыхание конское, под звон колокольца. Песни пока не поют. А так хочется: «Рождество Твое, Христе Спасе…». Но еще рано – вот доедем до храма, а там в старом оконце засияет первая звезда, и тогда, возликуем, возрадуемся.

А в храме-то! Заходит Иван и надышаться не может – дерево, стрекочут свечечки, с иконы беспристрастно глядит церковь небесная, Иерусалим горний. Анечка разворачивает Ивана от платков, да от меха, причесывает. Ваня довольный под благословенье отцу Никодиму бежит, просит прислужничать.

- А оно и во Славу Божию, Иван!

И осеняет батюшка Ваню крестом, а тот уже в стихарик беленький наряжается. У Павла Алексеевича на душе птицы райские поют! Глядит вверх – а там Он благословляет, и так светло, так сердце в груди переворачивается от счастья.

А потом начинается молитвословие – хор скромный, деревенский, но вдруг в душе вычеканивается по слову: «Христос рождается, славьте Его!»... И цветы откуда-то старушки нанесли – посреди зимы-то, отец Никодим смеется – ну, чудотворушки! И вот, запахло ладаном виноградным. И Иван с сияющими глазами выходит со свечой и смирно стоит и смотрит в алтарь восторженным взглядом – на мягкое золото, огоньки свечей, и век был глаз не отрывал. А скоро споют первую колядку, и будут петь все святки, ах, сколько еще радости впереди!

Когда-то Павел Алексеевич вставал ранним утром и предвкушал этот день. Весь этот прекрасный день — до самой полуночи, а потом и до утра, когда солнце заиграет, и угол с иконками осветится лучами.

***

Тихо стало. Подошла сноха – хорошая она, похожа на Анечку. Ваня говорил, что жену будет по маме искать. Только больно это чернявая, но такая же кроткая.

- Рождество, папа... – вдруг скажет она.

- Аха... – прохрипит Павел Алексеевич.

- Ваня рассказывал, как вы ель привозили из леса... – голос ее лился тихо. И Павел Алексеевич смотрел на лицо снохи смирно и улыбался. И вот, рассказывает она все то, что он переживал когда-то. И про Анечку говорит, и про коливо, и про тот самый вертепчик с глиняными фигурками. И вдруг он прервал...

- Вы, дети, простите меня, но больно мне... вот, думаю, отойду в самое Рождество... и там Аня, и изба наша, и как я сильный и здоровый мужик тащу ель на салазках, а? И пахнет в моем раю свечками, ладаном, тыквой да медом. За этот рай все б отдал, дочка...

ГЕЕННА ОГНЕННАЯ

Ковалева А.О. Рассказ.

Над тихим безумством и смрадом носился дух неправды. Он преследовал Товарова, этот дух. Преследовал, когда тот выбирался в город за молоком, к примеру, преследовал, когда он засыпал, когда купался в реке. И Товаров со временем привык к этому духу, и он перестал его тяготить. А это плохо. Это как раковая опухоль, только духовная... онкология не болит, не тревожит, дремлет и преданно сопровождает тело, пока не приблизится решающий час. Также преданно душу Товарова сопровождал дух неправды. Сопровождал Калыгина, Толю Мейерсольда, непонятно как затесавшегося в эти ряды с такой фамилией.

И не думал Товаров об этом духе. Он сидел возле своего вагончика и ждал, когда нагреется вода. К ногам прибился Гаврюша — лохматый, серый пес породы двор-терьер. Собака и человек смотрели на эти горы тихого безумства и смрада, на стаи жирных черных, как зола, ворон, на это великое зловонное разноцветье, на эту великую разномастную коллекцию человеческих испражнений... О, Господи, прости! Но слов других нет.

Товаров в этой тишине, нарушаемой будоражащим гарканьем ворон, вспоминал, как собирал терн на даче у бабушки, когда ему было одиннадцать. Солнце хоть и было почти осеннее, стояло в зените – жаркое. Бабушка пела песню, где «дева во скиту постригается», и плакала. А Саша Товаров злился на

бабушку, приговаривая, что этот противный терн – самый невкусный и зачем он нужен. А зимой они ели бабушкино терновое варенье и кисель, который он прозвал отвратительно сопливым. Товаров усмехнулся, сентябрьский ветер принес запах скисших арбузов. Вдалеке виднелось черное облако дыма.

Гаврюша оживился, обогнул вагончик, и с лаем бросился в сторону базы – небольшого сарайчика, где обитал Мейерсольд. Товаров знал, что Толик умчался за водкой, и поэтому ему придется посмотреть, что же так насторожило Гаврюшу. У шлагбаума стоял зеленый жигуленок с проржавевшими крыльями. Мелкий Гаврюша измывался, неистово лаял до потери сознания, пока Товаров на него не прикрикнул. Завидев человека, водитель вышел из автомобиля — это оказался бородатый, долговязый и очень худой мужчина в старом костюме синего цвета.

– Здравствуйте! – крикнул он...

Товаров хмуро молчал и думал «Приволок, небось, целый багажник барахла...»

– Я говорю, здравствуйте!

– Ну! – ответил Товаров и подошел ближе.

– Я проезжал мимо...

– Это как же вас занесло? Тут тупик, сюда едут целенаправленно, мимо никто не проезжает...

– Да я потерял собаку, выехал на пролесок из города, а она как удерет в этом направлении. Вот, ищу...

– А нет, не видел я тут чужих собак. Она не забредет... видите, огорожено! – раздраженно сказал Товаров.

– Вижу, только я не про собаку спросить. Пес-то не дурак, думаю, вернется. Скажите, это что, городская свалка?

Товаров усмехнулся и посмотрел на незнакомца с удивлением.

– А то как же, она и есть!

Мужчина глубоко вдохнул этот запах дыма и скисших арбузов и скорбно уставился вдаль, где чернеет от дыма небо.

– Воистину, воистину, генная огненная...

Товаров вздрогнул. Махнул рукой, позвал собой Гаврюшу и направился к своему вагончику. «Вода, должно быть закипела. Где этого Тольку носит!» – подумал Товаров.

Пили, пока не стемнело. Пили и не пьянели. Сегодня глухо, только три грузовика со старого города, да этот, на жигуленке. Про него Товаров никому не рассказал. Примчался на сабантуй Калыгин, по кличке «с того света», потому как в его задачи входило хоронить, сжигать животных на скотомогильнике. Это тут, недалеко.

Во время попойки даже смеялись, в основном, над прошлым... Только Товаров был мрачнее обычного. Он снова вспоминал, как в шестнадцать его взяли на квартирной краже и посадили за мешок картошки на четыре года. Вот, где началось его путешествие... «Геенна огненная» – всплыло в памяти Товарова. Это что-то ему напоминало. Бабушкин медовый угол, пахнущий сахаром и воском, черную книгу, от которой Товарову почему-то веяло волшебным мистицизмом и сплошной бессмыслицей. А теперь вдруг, этот поп... Почему-то Товаров решил, что на проржавленном жигуленке приезжал не иначе как священник.

– Санек, ты чего завис?

Мейерсольд и Калыгин засмеялись и разлили в потускневшие рюмки еще по сто грамм. Товаров пить больше не мог. Не пьянел, и было очень противно. Он вышел на ночные просторы городской свалки. Непроглядная темнота, он знал ее наизусть – эту темноту. В нем отчего-то разбушевался страх... Товаров поднял глаза – на него уставились звезды, бусины, мелкая мерцающая сыпь, крупа. Он вперился взглядом в отчетливый млечный путь и попытался вспомнить: «Царю небесный, царю небесный... везде сый...». Не выходило. Луны не было, смотрел ее огрызок – молодой тонюсенький месяц – серп, за который Товаров хотел бы прицепиться, но месяц, будто только ухмылялся всей своей бледной изогнутой плотью. И вдруг, как в те юные жуткие годы, Товаров почувствовал нестерпимую тошноту. Его вырвало. Стало легче. Из сарайчика-базы раздался громкий смех Калыгина – С того света.

– Господи, с того света... – произнес Товаров, и его снова обуял жуткий животный страх. Вдалеке продолжала тлеть помойка, все также воняло арбузами, кошатиной, кислым и старьем. Воняло водкой, страшно вдыхать.

И он вспомнил: «Приди и вселися в ны...». И он вспомнил.

Утром он снова стоял у сарайчика. Тот, на жигуленке. Только теперь он смело ступил на землю свалки, прошел к вагончику Товарова и разбудил его. Сидели и пили чай из алюминиевых кружек с пряниками и вареньем, банку которого привез отец Андрей. Товаров не ошибся, он – священник.

Мейерсольд встречал мусорные грузовики, Калыгин – ветстанционный бобик с отстрелянными бродяжками.

Они долго говорили. Товаров все рассказал – о себе, о прошлом, о настоящем, которое на глазах. И почему-то очень гордо рассказал про вчера:

– Стошнило от водки. Давно такого не было. Будто нутро больше не принимает.

Отец Андрей оторвал свой взгляд от просторов свалки и уставился на Товарова. Гаркнула ворона. Оба молчали.

– А ты зачем приехал? – как осенило Товарова.

– Я, Саша, забыть это зрелище не могу... – он указал рукой на свалку... – Господь сказал, что грешники будут ввержены в геенну огненную, где будут плач и скрежет зубов...

– Ну? – усмехнулся Товаров.

– Геенна огненная... так в Иерусалиме называлась городская свалка.

Товаров вздрогнул. И снова оба молчали, пока Гаврюша не кинулся к шлагбауму. Две зареванные дамочки привезли мертвую кошку в обувной коробке.

– Вам с другой стороны надо объехать, там скотомогильник, – сказал дрогнувшим голосом Товаров.

Санек не пил этим вечером. Он сел в гору целлофана позади вагончика и снова смотрел на звезды. Пустота задушила его, и он больше не мог ее слушать. Дурманило от всей той жизни, и от огня, снова подожгли прелый мусор. И он осознал, что омертвелые клетки разума и сердца снова стали ощущать этот дух неправды. «Сила дьявола — ложь» — говорил отец Андрей. Товаров не придал этому значения тогда, а сейчас... А сейчас что-то понял. Под ногами лежала старая кукла без двух рук.

– Если правая рука соблазняет тебя, отсеки ее... лучше калекой войти в жизнь, чем в ад двуруким... – сказал Товаров и понял, что ему с таким раскладом – хоть все отсеки – не войти в жизнь...

Почему он все это понимает? Почему все стало болеть? Он старался гнать мысли, ему почти пятьдесят, что-то менять поздно и невозможно. Он провонял – и внутренне, и внешне... И как назло, или на счастье, в голову лезла вся эта бессмыслица, которую нашептывала полумаразматичная бабка перед сном или в дороге. Она лезла в его голову. Лезла!

В эту ночь месяц немного разжирел, и от этого усмешка его не была такой наглой. А вот, Товаров бастовал, он боролся. Он даже иногда истерично смеялся, вставал на колени и кричал:

– Люди, люди, смотрите, что вы наделали! – он расставлял руки широко, так широко, как Христос на кресте, и плакал... и миллионы звезд смотрели на просторы свалки...

«Если ночью идет дождь, значит, звезды плачут...» – он снова вспомнил детский бредовый каламбур бабушки.

Товаров промучился весь следующий день. А к вечеру вдруг снова на него накатила жуткая тоска, но к пяти утра он уже не мог не принять ее освобождающего действия. Он повторял, что помнил из «Царю небесный...» и засыпал. Утром, как и обещал, приехал отец Андрей. Товаров обрадовался, но виду не подал. Жизнь превратила в волчонка – даже оскал стал проявляться.

– Всё, Саша, гляди на себя! Высох...

– Да ты, батек, давным-давно высох, – рассмеялся Товаров и почувствовал, как же он сам себе противен.

– Да, все иссохнем, только я тебя забираю.

Товаров оцепенел:

– Нее, ты лучше, вон, Гаврюшу забери...

Пес лежал и отгонял мух серым грязным хвостом.

Отец Андрей вздохнул:

– Нам нужен сторож в храм. Там, в сторожке, и поспишь, а хочешь, потом и пономарить будешь. Я с приходом поговорил. Они все не против.

– Да они меня, вонючего, не видели...

– Мы все, знаешь ли, райскими цветами не благоухаем… – так просто сказал отец Андрей.

И тут Товаров внутри, глубоко-глубоко возликовал, но виду снова не подал.

– А по деньгам чего?

Священник улыбнулся:

– За еду токмо...

– А... – махнул рукой Товаров.

– Не могу тебе пока сейчас платить. Боюсь, пить начнешь... – откровенно признался отец Андрей.

– Да я ничего, согласен... Слушай, отец, а вот молитва есть, я помню с детства, что-то про Царю небесный...

– Ну, есть... Царю Небесный. Душе истины...

– Душе истины... – прервал Товаров и замер, – Душе истины – что это?

— Дух правды, Саша. Божий Дух.

И Товаров не смог не подать виду. Он расплакался, и заикался и заходился в горячем плаче, отмахивался, когда отец Андрей нерешительно подошел к нему, тронул за плечо…

Усилился ветер и смрад. Позже пошел неожиданный дождь. Сидели в зеленом поповском жигуленке, и смотрели на свалку...

Товаров икал от долгих рыданий, на его руках дрожал мокрый Гаврюша. Дождь обнажал и делал свалку ярче – цветные коробки, груда вещей, помоев, ошметков, окурков, целлофана, бутылок, сплошное месиво становилось тошнотворно жутким.

– Поехали? – осторожно спросил священник.

– Да, навсегда...

– Дай-то Бог...

ГДЕ УМИРАЕТ ОДИНОЧЕСТВО

Ковалева А.О. Рассказ.

Когда Федечке говорили, что мама снова уехала, он обычно всегда плакал. А сегодня на удивление молчал. Старался зажать между двумя розовыми пухлыми пальчиками заходящее солнце, прищурив глаз. Это было его любимое развлечение. Фаддей гладил его по голове и горячо целовал в макушку. Последний паром уходил в полночь, но чтобы добраться до порта, нужно было четыре часа проехать на лошади с паломниками и болящими. Поэтому мама Федечки, тощая одинокая сорокавосьмилетняя Лариса покидала Федю всегда на закате, в восемь. В этот раз она оставила ему нарядный белый свитер, пару апельсинов и ярко-желтые как цыплята варежки.

Тот берег. Как-то называлась та земля. Та, что сейчас предстала пред взором Федечки и Фаддея. Но было у неё неинтересное кривошеее название, плоское, никакое и далёкое. Фаддей старался не думать о большой земле. Она была такой коварной – эта мысль. Постоянно толкала его в уныние, печалила, заставляла думать о былом, или о будущем, которого не случится. А если об этом думать, то терять настоящее, которое в периоды горячего влюбленного сердца, он бы никогда ни на что не променял.

Федечка понял, что подобрать солнце - этот светящийся бриллиант ему не удастся. Он бросил это занятие – хватать пальцами огромную звезду, и теперь пристально глядел на Фаддея, запрокинув голову. Взгляд Федечки многие называют лишенным разума, и даже жизни. Когда Лариса рассказала

Фаддею об одной женщине, которая так и заявила, что у Федечки безжизненные глаза, Фаддей не то чтобы не согласился, он даже оскорбился. Он так долго ещё не смотрел ни в одни глаза на свете. Разум? Разум... Да там синяя, бескрайняя жизнь. Эти глаза никогда не расширятся от удивления, не сузятся в подозрении, не порежут душу клинком. Они будут преданными, светлыми, блаженными. Всегда! А они говорят – безжизненные, да это самые, если хотите, бессмертные глаза! И вот такими глазами смотрел Федечка на Фаддея, который на мгновение стал заложником той земли, того берега...

– А...ей! – позвал Федечка.

Нет, ни мама, ни это слово, пусть угловатое, пусть тяжелое, пусть еле слышное, ни это слово научился говорить Федя. А громкое и смелое «Фаддей», правда, без твердых кирпичных согласных, а из радостных гласных – «А...ей!». И сейчас Фаддей встрепенулся. Схватился за ручки инвалидной коляски и покатил Федечку по еле хоженой тропинке. У Феди на коленях пестрели варежки, привезенные мамой Ларисой. Ещё не скоро похолодает, а Фаддей, смотря на мамины подарки, подумал, что это уже к Рождеству. Значит, долго не приедет.

– Радоваться мне или плакать, Фёдор, что ты впервые по маме тоскливо не заревел, когда она уезжала?

По влажному песку волочился вымокший подрясник Фаддея, он вез перед собой коляску Феди, и их обливало золотистое закатывающееся солнце. Коляска тяжело шла по песку, хрустя и шамкая колесами, мягко вплетаясь в приморскую гулкую тишину, с впаянными в нее приливами и отливами.

В келье стрекотала свечка на широком подоконнике. В открытую форточку заглядывал прохладный ветерок и листал страницы Добротолюбия. А Федечка тем временем долго и мучительно засыпал, ворочался. Фаддей тихо напевал:

«Царице моя Преблагая…

Надежда моя Богородице…»,

Федечка любил песни, затихал, когда Фаддей напевал ему тихо молитовки и псалмы. Однажды Фаддей достал сборник русских сказок, но Федечка запротестовал, потребовал петь. С тех пор и поет. Ему сказали, что у него ни слуха, ни голоса, потому на клирос заказано. А вот Федечке нравится.

Федечка – Фаддею был послушанием. Монах Фаддей был рослый, высокий, широкоплечий, бывший спортсмен, ему эту коляску на одно плечо ничего не стоит поднять. Посовещалась братия, и самого «сложного» сироту вручили самому сильному и тихому монаху. Фаддей боялся. Боялся этих

массажей и грязных простыней, боялся больших памперсов, который отец Илиодор возит ему каждую неделю большими контейнерами, боялся трубного нездорового голоса Фаддея, когда тот устраивал истерики. А потом, он сам и не понял, как обнаружил, что просто любит свое «послушание». Он еще удивлялся тогда. Почему любит? За что ж его любить? Но любовь эта не утихала, не унималась, не заканчивалась с очередным приступом эпилепсии. Однажды Фаддей сильно разругался прямо на площади монастыря с молодым послушником. Повод был серьезный, болела душа у Фаддея. И тогда Федечка впервые крикнул через всю площадь монастыря негодовавшему и ругающемуся Фаддею это гласное, радостное и красивое «А…ей!», монах замер со словом на устах, уставился на Федечку и расплакался. Послушник покраснел, извинился и по-братски обнял высокого монаха.

Больше никому не позволял Федечка катать его коляску. Сразу размахивал руками, барабанил по поручням и страшно кричал.

Фаддей уснул у Федечки в крохотной спаленке, окошко которой выходит в аккурат на морской берег с длинными, как крокодилы, волнорезами, уходившими острыми концами в пучину беспокойного моря.

Снова ему приснилась большая земля. Приснился двор с баскетбольным кольцом, приснился тренировочный зал. Вот, вся его команда. Игорь Соборников, Стёпка Николаев... все его друзья, гонят мяч, он бухается о деревянный пол спортзала, бам, бух, бам-бам… Ему кричат, зовут, чтобы дать пас. И он ловит тяжелый, шершавый мяч, мчится к кольцу, обошел противника хитро и умело, и еще одного справа-слева. Поднимает вверх глаза и видит, как брошенный им мяч зависает в воздухе, и как растворяется баскетбольная корзина… Проснулся под утро. Погрустнел после шумного сна. Федечка расплылся в улыбке, когда Фаддей открыл глаза. Он смотрел на него своим синим бесконечным взглядом. «А…ей» – руки Федечки лебедиными головками сложились у его тяжелого мокрого подбородка. Фаддей умыл мальчика, причесал, Федя словно пытался что-то сказать ему, давясь собственными круглыми звуками, которые, казалось, мешали ему дышать.

Утром здесь всегда радостней, как будто каждый день начинается новая жизнь. Становится людно. Гремит повозкой старая лошадёнка, везёт людей. Открываются большие ворота, люди толпятся. Фаддей усадил своего подопечного в коляску и покатил к людям. Тот любил быть среди них. Они такие суетливые, шумные все эти люди, говорят, шепчутся, все время что-то покупают, кидают звонкие копейки нищим и юродивым на лестнице, постоянно в движении, фотографируются. Федечка не переставал улыбаться.

– Тима! Тимофей! – Фаддей вздрогнул, за спиной, как гром, радостно прозвучало его мирское имя.

Он обернулся и встретил очень знакомого, но настолько изменившегося человека, что даже оторопел.

– Игорь ты?! Соборников?! – только сегодня Фаддей видел его во сне.

Игорь в представительном костюме, ошарашенный увиденным, стоит перед самым носом Фаддея, разглядывает его как достопримечательность, а у самого искорки радости в глазах.

– А я вот тёщу с супругой привез сюда. Чуда им захотелось. Представляешь! Ходят, все какие-то иконки покупают, ладанки…

– А ты сам-то как? – спросил Фаддей и положил на плечо товарищу свою тяжелую мозолистую руку.

Игорь почувствовал, что вот так к нему издалека по-дружески прикоснулось прошлое, и осмелел. Радость стала яснее и чище. Пусть он и не ожидал увидеть Тимофея в монашеском, но это же Тимка, друг, все тот же… только глаза другие.

– А я, ты знаешь, вообще замечательно. Ты ушел, команда вся и распалась! Мы все в бизнес подались. Бизнес поднялся! Хорошо живём теперь... вот... – Игорь счастливый достал из кармана визитку, всучил Фаддею. Тот принял и тут же отдал в руки Федечки, он любит новые предметы.

Игорь настороженно поглядел на Федечку, помрачнел на минуту, замер, но его снова разбудил все тот же вопрос Фаддея. Будто монах хотел заглянуть в самую сокровенность и глубину старого друга, в сердце, когда-то бившееся так молодо и так мечтательно. Что теперь в нем? В этом сердце?

– А как же сам-то?

– Ну, я, говорю ж... хорошо. А ты здесь, как это самое... надолго? – тихо спросил Игорь.

Фаддей ничуть не смутился, пожал плечами.

– А мы тут все ненадолго...

– Ну да...ну да... – произнес Игорь, – слушай, а тут можно как-нибудь без очереди – то а? Времени нет! Столько дел!

Фаддей покачал головой и развел руками, виновато улыбаясь.

– Эх, друууг... ну ладно.

Распрощались. Фаддей смотрел, как представительный костюм его старого друга тонет в толпе людей. Только один раз Соборников обернулся, и

в одну секунду, будто снова пережил встречу с товарищем. Почувствовал, как в глубине родился первый вопрос, который он хотел бы ему крикнуть прямо сейчас. «Почему, Тимка, почему ты здесь?». Игорь брел назад, пытался отыскать среди разноцветья паломнических одежд и черных риз могучую фигуру друга с инвалидной коляской. «Почему ты здесь, Тимка? Ты же наш капитан, мы ж за тобой и в огонь и в воду! Ты же когда-то был сильнее нас всех…».

– А ... ей! – позвал Федя и показал задумчивому Фаддею скрученную в трубочку визитку Игоря Соборникова.

– Эх, братец, пойдём-ка мы с тобой к реке сходим.

– Тимофееей! – вот так выплыл над толпой голос Соборникова.

Может быть, час, может быть, два… они сидели на песчаном тихом берегу. Прошлое почти не вспоминали, Игорь вдыхал воздух, пропахший монастырскими коврижками и ладаном, слушал старого друга. И уже совершенно привык к его грязному подряснику и бороде. В глазах он узнавал эту могучую силу, вдруг воссиявшую другим мягким и теплым огнем. Когда-то Тимка мчался сквозь противников с мячом, и ему кричали: «Давай, Тимка! Забивай! Ну! Трехочковый…». Он был быстрый, шумный, громкий и властный. А потом исчез. И вот он, это же он – сидит, одной рукой покачивает коляску с инвалидом, в другой крутит четки. И так радостно, так светло смеется.

– Хорошо с тобой, Тимка… слушай, а давай мы на следующей неделе с ребятами приедем. Представляю, как они обрадуются!? А пацану твоему коляску привезем хорошую, а?

Игорь распрощался с Фаддеем, оставил его на морском берегу, и чувствовал, как легко ему дышится, как легко идется. Как мягок и сладок морской воздух. Он шел, как мальчишка, вприпрыжку – такой же могучий, как друг, а обернувшись, крикнул: «Тимка, мы одна команда! Ведь так?». Почему он так крикнул, быть может, потому что он очень хотел быть всегда рядом с этой тихой радостью…

***

Федечка теперь пытался ухватить пальцами самого Фаддея, когда тот бегал по берегу, и подрясник его вымок по грудь, в ботинках хлюпала вода. Фаддей упал на берегу, всмотрелся в большую землю, над которой светило раскаленное большое солнце.

И никого больше не было. Тишина. Покой, в поиске которого люди иногда спешат к тёплым морям, в свои квартиры, запираются в комнатах. На каждого человека есть своя доля покоя, есть свое призвание. И место каждого

там, где он может нести свою маленькую, пусть совершенно не сложную, пусть незаметную службу.

Неизвестно, сколько бы ещё просидел Фаддей на берегу, впервые понимая и радуясь оттого, что нет грусти в большой земле. Что он не печалится, что сердце обрело покой. Что прошлое, и несбыточное будущее, так же тленно, как и его настоящее, теперешнее... только это он сейчас понимает, а понял бы, находясь там?

Фаддей сидел на берегу и плакал. Плакал, выплеснув всё, что его тревожило. А Федя вдруг громко захохотал. Нарушил тишину. Он обрадовался. Прищурив глаз, он пальцами схватил застывшего на берегу Фаддея, и Фаддей не распадался, не рассыпался как солнечные лучи. Он смиренно застыл между пухлыми пальчиками Федечки.

СТАРЕЦ

Ковалева А.О. Рассказ.

***

Вместо предисловия

Подвязались мы в монастыре недавно, но яро. Только стали нас мучить такие сны, что мы плакали с утра до вечера с братом Петром. И послушание – не послушание, и молитва – не молитва. Тогда Отец Мефодий, долго глядя на нас, подошёл как-то на Полунощнице и шепнул на ухо, что нам делать и куда направляться...

***

Плелись мы, значит, уже третий, если не четвёртый час вдоль ручья. Дорога была вверх, и мы несказанно мучились от зноя, жажды и усталости. А негодник – горный ручеёк тёк себе завидно вниз. Нас шло двое – я да брат Пётр, перебирающий уже третий, если не четвёртый час чётки. Я шёл и молчал, никаких добрых мыслей в голове, говорить не хотелось. Всё думал о страшных снах, что нас мучают чуть ли не с самых первых дней в монастыре. А брат Пётр, нет-нет, спотыкается о камни или о коряги, попадающиеся на пути. В общем, спустя ещё несколько минут, мой попутчик прибрал в подрясник чётки и тяжело вздохнул:

- Ну, может, присядем?

Я пожал плечами и рухнул у самого ручейка. Омыли мы лицо, напились, расслабились, и идти уже совсем не хотелось.

- Эх… – снова вздохнул брат Пётр, – и чего это вздумалось отцу Мефодию нас в старую пещерку засылать?

- Свечку тушить, – ответил я.

- Так она ж сама сгорела давно! – спорил брат Пётр.

Просто отец Мефодий в пещерке отшельничал десять лет назад, а сегодня вспомнил, что свечку не погасил! Вот и нам наказал пойти да затушить.

Мой попутчик только сплюнул и горестно посмотрел вверх. До пещерки нашего отца Мефодия было около четырёх часов ходу, а может, и больше. С нашими заячьими силушками да слабеньким духом все восемь часов! Брат Пётр продолжал негодовать. Лицо раскраснелось, тонкие губы надулись. Сидит, трёт уши. Верно, высоко мы уже взобрались. Давит.

Ну, думаю, брат Пётр гневаться да раздражаться начинает. Я уже было стал его поддерживать в его суждениях, бочку катить на отца Мефодия, гневя Бога, да спохватился. Эх, слабая-слабая послушничья душа!

- Ну, будет, брат Пётр… всё одно – духовный наставник на худое не пошлёт.

- На худое-то нет… – растянул Пётр.

Посидели мы ещё с минуту, тут и я приуныл совсем. Так загудело всё тело, что думалось только о прохладной келье и мягкой перине. Сидим, надутые, травинки рвём от безделья да фиолетовые цветочки разглядываем. Медленно подкрадывалось к нам уныние, и я, и брат Пётр очень легко ему поддавались. Всё думаем: идём мы в гору в палящий зной тушить свечку, которая всё равно уже потухла. Идём голодные, не выспавшиеся из-за этих снов. В среду путь держим, в постный день… стали жалеть себя.

И вдруг глядим: то ли помутнение с жары, то ли въявь спускается вниз по нашей горной тропинке старенький маленький монах, с метр двадцать ростом. Аж подскакивает, как бежит вниз!

- О! – приветствовал он нас, – Братья! Монастырь-то недалеко уж?

- Нет! – в один голос воскликнули мы с братом Петром.

- Ну, Спаси Господи!

Пробежал мимо нас, волоча подрясник, и перебирая свою седую бороду. Да и остановился вдруг, обернулся.

- Мда… – произнёс и к нам направился – А чего приуныли-то?

Тут я опомнился, поднялся под благословение. Брат Пётр поступил также. Раскраснелись ещё больше. Уже не от жары, от стыда и смущения.

Отец приземлился рядом с нами, стал по сторонам смотреть. Мы с братом Петром глядим на него, и слово сказать боимся.

- Вы путь держите куда? Или так, присели на птичек смотреть, за ручейком приглядывать?

- Путь, отец… – ответил я.

- Ну, пойдёмте!

- Куда?

- Как куда? Куда идёте!

Подскочил монах, и мы за ним поплелись. Шли рядышком. Два послушника, да монах. Глядим на его сгорбленную спину, а всё не верится отчего-то. И зачем только с нами пошел? Стал я себя щипать… вроде случай обычный – встретили странника, но всё равно на сон похоже.

Спустя время мы к нашему монаху привыкли. Даже стало идти легче. Я и сам душой немного оттаял и начал разговор:

- Скажите, отец, вы, верно, много где были?

- Много где!

- А в Иерусалиме?

- А как же, вот лет пятнадцать назад бывал в последний раз, а до этого ещё сорок лет назад.

- А в Дивеево бывали? – спросил брат Пётр. Он, будучи родом с тех мест, у всех спрашивал про Дивеево.

- Уууу….ещё лет семьсят назад!

- Семьдесят? – воскликнул я и остановился, как вкопанный.

- Сколько ж вам лет? – спросил брат Петр.

Но наш новый знакомый молчал. Нам оставалось только думать да гадать. Много знал наш попутчик, сердцем мы чувствовали.

Я иду, и в голове все вопросы перебираю. Что бы такое задать? Ничего путного не приходит. А наш монах идёт себе так смело, словно знает, куда идти.

- А вы зачем с нами пошли? – спросил брат Пётр, не вытерпев.

- Да дело у меня есть.

- Какое?

- А такое, как у всех…

- А какое дело у всех? – не унимался Пётр, да и мне страсть как интересно было.

- Трудиться да Богу молиться.

Я онемел сразу, но не с испугу, а с неясно откуда прибывшей теплоты. Притих. Снова краем глаза вижу, Пётр на меня смотрит широкими глазами, а во взгляде его и восторг, и удивление. Всем своим видом говорит: «Необычный какой старчик нам попался!». А отчего необычный? Вроде верно всё говорит. Но тепло-то отчего? Такое тепло, которое испытываешь, когда сердце приходит в умиление.

Шли мы с братом Петром за нашим попутчиком, а чувство такое постигло, что мы будто и своими душами прильнули к душе монаха. Идём, всё выше и выше, а от физической усталости становилось радостно. Но, похоже, только мне. Пётр шёл хмурый, глядел под ноги и часто и громко сопел носом. Монах же идёт себе, да всё таким же бодрым шагом. Нам стало совестно за свою немощь, молодые, здоровые…

Мы в пути рассказали монаху, куда и зачем идём, что наказал нам отец Мефодий и даже стали говорить, про то, что свечка потухла уже давно, и что среда, день постный… в общем, опять душа расслабляться да ёрничать стала.

- Ну, загалдели как воробьи у одной – единственной семечки. Я вот однажды забыл свечечку потушить в келье …. – старик замолчал.

- И что? – спросил брат Пётр? – неужто горела десять лет?!

- Тааа, не…Как из кельи вышел, сразу вспомнил, что не потушил, минутку без меня погорела.

- Тю… то ж другое, отец!

- Почём другое? Всё то же. Я вспомнил, и отец Мефодий вспомнил.

- А мы причём? – крикнул возмущённо брат Пётр. Я тут и ткнул его в бок. Тот аж взвизгнул.

- Вот и я думаю… – смиренно ответил монах, будто бы не заметил дерзновения молодого послушника. – Я думаю, причём тут все мы? Глядите, красота какая! Ручей – кувшин Господний, утоляем мы жажду водой с него… Солнце – пазуха Божия, тепло под ним, да светло… горы – красота Его – дивись, да замирай духом от такой красоты. А мы причём? Что от нас-то? – замолчали. Через минуту старец ответил:

- Любовь от нас, братья… большего и не надо. Вот причём… при любви.

А я иду, краснею. Аж плакать захотелось.

- Омывать слезами надо каждый свой дурной помысел… – ответил монах и дальше побрёл, только шаг замедлил.

Я иду, плачу. А Пётр осунулся, полез за чётками. А монах впереди. Маленький, худенький. И стало вдруг мне так горячо внутри, а что с этим

«горячо» делать я не знал. Только понесло меня к ручью. Снова я умылся, напился, сел и гляжу, Пётр с монахом делают то же самое.

- Скажи, отец, давно ты странствуешь?

- Уже и не помню сколько, – он улыбнулся и подсел поближе.

Брат Пётр прислушался к старцу.

- Снесите иконку в пещерку ту, где вам велено свечку затушить.

Отец протянул мне маленькую иконочку Божией Матери. Я прижался к ней губами и спрятал без лишних вопросов.

Так мы просидели недолго. Старец поднялся, перекрестился, благословил нас и направился вниз, вместе с ручьём. Только медленней и размеренней, шаг за шагом. Остановился у Петра, похлопал по плечу и сказал:

- А ты молись, брат Пётр, молись…

И мы пошли своей дорогой. Оборачивались и ещё долго наблюдали тёмную фигурку старца. Два послушника шагали в пещерку тушить свечку и оставлять иконочку. Через полчаса пути мы уже думали, сон то был или не сон? Был старец или нам привиделось, когда мы заснули у ручья? Я схватился за икону Богородицы из рук недавнего попутчика. Молюсь, чтобы она вдруг не растаяла, не исчезла!

Пришли мы на место, когда солнце уже наполовину залезло под одеяло горизонта. Закат розовым светом заливал горную обвисшую стену. Звенел ручей, и где-то в вышине гулял ветер. Стало легче дышать. Пахло талой водой и неясной, спокойной и чистой радостью. С замиранием сердца вошли мы в пещерку и заплакали. Заплакали тихо, почти не дыша от красоты и умиления. Приземлились на колени, славя Господа за явленное нам чудо. Жёлтый огонёк свечи отца Мефодия освящал тёмную пещерку.

Мы оставили икону Богородицы рядом со свечой, как и просил старец. Долго молились, после потушили пламя несмелым дыханием.

Вышли молодые послушники из пещерки глубокой ночью. И не узнали, что как только покинули они чудесное место, яркий огонёк снова тут же вспыхнул и озарил пещерку своим янтарным светом.

***

Старец Паисий Святогорец говорил, что на Афоне живут семь святых. Сам отец Паисий признался, что видел четырёх.

ЗАМЕТКИ О ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ В КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ В 90-е ГОДЫ XX ВЕКА.

Баталов Петр Владимирович,

прихожанин Константино-Еленинского собора г. Костаная.

Торжество Веры!

«*Я с вами во все дни до скончания века. Аминь.*». (Матф. 28-20)

Во второй половине 90-х годов подходит батюшка Владимир Асташов к Саше, дворнику церковному, и говорит:

– Александр, ты не знаешь, куда бы можно было съездить на озера порыбачить?

А у Саши старший брат Николай занимался коммерческой рыбалкой на одном из озер неподалеку от Кустаная. Одно время там было до 30-ти рыболовных бригад. Из города приезжают экспедиторы и развозят улов по магазинам, торговым точкам и на базар.

– Хорошо, – говорит Саша, – организую!

Нашли машину. Батюшка Василий дал денег на бензин. Вместе с батюшкой Владимиром и Сашей напросился прихожанин Сережа Сидоров. Приехали к озеру. Из вагончика выходит брат Николай и еще четверо. Николай показывает, где можно закинуть сети. Народ начинает суетиться. Лодку накачивают, сети готовят, садок и все необходимое для ловли. И вот когда все было готово, батюшка Владимир достает Евангелие и начинает читать. Народ оробел! Не каждый день приезжает на рыбалку настоящий батюшка, да еще с Евангелием. И вот такая нарисовалась картина! На берегу напротив проема в камышах на берегу стоит готовая к отплытию резиновая лодка. Николай и с ним четверо молодых рыбаков стоят в ряд на берегу. А напротив выше их стоит батюшка с Евангелием. Справа Саша, а слева Сережа Сидоров, а батюшка между тем читает:

– «…Наставник! Мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть. Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась. И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им; и пришли, и наполнили обе лодки, так что они начинали тонуть». (Мф. 4:18-22).

Дочитывает батюшка текст Евангельский (о чудесной ловле рыбы) до конца … делает отпуст … и идет ловить рыбу. В общем закинули сеть и набрали четыре ведра карасей. Ведро батюшке Владимиру, ведро батюшке

Василию, ведро Сергею и ведро Саше. Саша же, истовый христианин подходит к брату Николаю и с торжеством говорит:

– Но вот брат, видишь, поймали четыре ведра рыбы!

Брат смеется над ним. Мол при чем тут ваш Бог! А между тем батюшка дает команду возвращаться в город. Все трое садятся в машину. А Саша и говорит:

– Батюшка! Смеются над нами!

А Батюшка беззаботно махает рукой и говорит:

– Пусть смеются!

И уезжают. Через неделю находит Николай брата своего Сашу и говорит ему с каким-то мистическим оттенком ужаса в голосе:

– Ты знаешь, в тот день, как вы уехали, мы поехали проверять свои сети и набрали столько рыбы, что лодки наши стали тонуть…, пришлось часть рыбы выпустить обратно в озеро!

В то время как другие рыболовные бригады в тот день ничего не поймали…

***

Надеющиеся на Господа, яко гора Сион: не подвижится в век живый во Иерусалиме. (Пс. 124:1)

В голодные 90-е, Санька остался без работы. А он был человек семейный. И всякий поймет, каково это мужику-кормильцу семьи! И вот как-то утром жена его с раздражением в голосе толкает его в бок и говорит:

– Что ты тут разлегся как кабан … иди ищи работу!

Горько стало Саньке. Но ничего не попишешь… И то правда, надо что-то делать. Приходит он к батюшке Виктору Петрову, настоятелю храма св. равноапостольных царей Константина и Елены и с унылым видом начинает говорить:

– Батюшка, не могу найти работу, жена поедом ест, что делать?

Батюшка и говорит:

– Иди к нам в Церковь дворником, зарплата конечно небольшая, но все же хоть какая-то копейка!

И Санька с воодушевлением стал мести церковный двор, но и конечно что-то унести, поднести, разгрузить, загрузить и т.д. А до этого Санька работал таксистом. И по сути пришлось ему обойти все организации г. Кустаная, занимающихся таксоизвозом. И отовсюду его выгоняли за … да, да, да … за

исполнение святых заповедей Господних! Если это описывать подробно, то организуется целый роман примерно с таким названием – «Как подвязаться за Христа в шоферской среде». Много пришлось Сашке претерпеть унижений, зуботычин, насмешек, оскорблений, но он все претерпевал стоически, даже с некоторым вдохновением. Но не перед кем не прогнулся и знамя Веры Христовой держал твердо. И можно не сомневаться, что когда «…*во время оно* …» град Кустанай вместе со всеми своими жителями поднимется на воздух в сретенье Страшного Суда Божия, то наш брат Санька не окажется в числе последних, но будет стоять вместе с воинами Великой Отечественной войны! Да, да, да!

И вот метет он церковный двор, а проезжающие мимо храма бывшие его коллеги-таксисты, сигналят ему и высовываясь из машины крутят вокруг виска пальцем. Мол знали, что ты дурак…, но не до такой же степени! А у Саньки от этого начинает шевелиться этаким пушистым котенком комочек счастья! Из глаз бегут слезы, а губы шепчут: «Господи, Господи … как я тебе благодарен!» И вот как-то он подметает тротуар напротив ворот у входа в старый храм. А со стороны оврага идут двое подпитых парней. И один из них такой весь жилистый и приземистый и агрессивный, говорит довольно громко своему другу: «Я сейчас этому ухарю с метлой в ухо дам!» Подходят к Саньке. И этот «агрессивный» размахивается … и Санька видит, как в замедленной съемке летящий ему в лицо кулак. Между прочим, Санька был атлетического сложения и при желании мог бы обоих парней согнуть в дугу. Но в его голове молнией пронеслась мысль: «Я же представитель Церкви, хотя и дворник!» Крепко зажмурился, ожидая удара в лицо, при этом громко в душе восклицая: «Господи, помилуй!» Неожиданно кулак «агрессивного» по дуге обходит Санькино лицо, натыкается на древко метлы … и чтобы не упасть, агрессивный хватается за метлу… делает круг вокруг своей оси и … растерянно с метлой в руках идет к светофору. Он весь обмяк, ссутулился, поворачивается к Саньке лицом. Лицо поникшее. Без малейших оттенков агрессии. Послушно отдает Саньке метлу. И опустив виновато голову вместе со своим другом переходит светофор. «…*Ибо не оставит Господь жезла нечестивых над жребием праведных, дабы праведные не простерли рук своих к беззаконию*…». (Пс. 124, ст. 3)

Чудесное спасение.

«… *И призови мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши мя* …». (Псалом 49. Ст. 15-16)

В Богоспасаемом граде Кустанае служила в 90-х годах регентом на левом клиросе храма святых равноапостольных царей Константина и Елены одна славная Божия раба – Ольга Даниловна Головина. Полноватая, голубые глаза. Была она тогда пенсионерка, но стоило взглянуть на нее со стороны, как она идет к своему клиросу, то сразу было понятно, что это необычная женщина. Веяло от нее какой-то несокрушимой силой духа, хотя женщина она была весьма скромная, приветливая и внимательная. И вот, что она однажды рассказала рабу Божьему А.:

– До церкви я работала кассиром на одном заводе. Дали мне огромную сумму денег для выдачи зарплаты рабочим. Выдавала я деньги на проходной завода, так получилось. И вот народ тянулся, тянулся. Поздно уже стало. Осталась еще приличная сумма. Давать некуда. Надо идти с деньгами домой. Пошла пешком специально (пустынными местами) безлюдными переулками. Темно. Уличного освещения нет. И вот в одном месте выходит из кустарника мужик и идет ко мне навстречу. Сердце так и заныло от нехорошего предчувствия. Поравнявшись со мной, вдруг резко хватает сумку с деньгами и тянет к себе. Я не отпускаю. Думаю про себя, чем я докажу, что меня ограбили. Мужик с матом выхватывает нож и подставляет к горлу. Я невольно запрокидываю голову назад … и глядя в ночное небо, сама неожиданно для себя с каким-то даже отчаянием закричала – Господи помилуй! И вдруг прямо между нами возникает как бы ниоткуда зигзагообразная молния с сильным треском и шорохом (как это бывает от короткого замыкания). Ударяет мужика в грудь … и отбрасывает от меня на метров пять в сторону. Мужик закричал страшным и безумным голосом бросился бежать сквозь кусты. Упал, запутался. Как черепаха сучит руками и ногами … и при этом кричит как полоумный. Я сумку подхватила и скорей бежать в свою сторону.

Через много лет, как-то подходит ко мне трясущийся дед и говорит: «Вы меня не узнаете?» Говорю: «Нет!» Он напоминает, что он тот самый грабитель. Падает мне в ноги и просит слёзно прощения. Через неделю он умирает и я вместе с хором присутствую на его отпевании.

Метанойя!

Ах, ка же милостив Господь Наш Иисус Христос!

Град Кустанай (год 1992). Светлая пасхальная седмица. Выходим из храма с вечернего Богослужения. Все улыбаются. Солнышко такое ласковое. Птицы поют. У ворот стоит инвалидная коляска. В ней человек без ног по пах и руки отняты выше локтевого сустава. Бабушки окружили коляску и слушают, что говорит им инвалид. За коляской стоят, видимо, друзья инвалида – мужчина и женщина средних лет, оба пьяненькие и почему-то в одних носках. Очевидно, что «поход в церковь» был принят спонтанно и с таким воодушевлением, что обувь надеть просто забыли. Инвалид прямо перед всеми исповедует все свои тяжкие грехи и преступления. Бабушки охают и пятятся назад, в ужасе от того, что слышат. Друзья инвалида за спиной его пьяненько улыбаются … и время от времени вносят корректировки в его общую исповедь перед Народом Божьим. Общая картина его исповеди такова. Сначала он разбил иконы Господа и Божьей Матери и топтал их ногами. Затем убил влюбленную пару самым изуверским образом. Ему дали высшую меру наказания, т.е. расстрел, но он «закосил» под невменяемого и «спрыгнул с вышки». Отсидел лет 20-25. И вот в последнее время убиенные им юноша и девушка являются ему и упрекают его за его зверское убийство. Причем он их видит только один. Он прекрасно понимает, за что Бог отнял ему ноги и руки. Явление ему убиенных не прекращается ни днем ни ночью. Стоят перед ним и с молчаливым упреком смотрят на него.

И вот он сегодня в храме, вернее возле него. Сердобольная бабушка протягивает ему 25 рублей. На них можно купить 4 бутылки водки и еще закуску. Но инвалид с негодованием отводит в сторону бабушкину руку, мол не для того я здесь.

Выходит батюшка Игорь и велит подвезти коляску к алтарю со стороны улицы. Выносит на улицу аналой и столик со свечей горящей, Евангелие, Крест. Друзья за коляской становятся на колени и вытаскивают нательные кресты. Целуют их и почему-то показывают всему народу. Мол и мы христиане! Батюшка велит народу отойти подальше и начинает исповедовать. Иду пешком домой и всю дорогу дивлюсь сам себе. Это ж какое долготерпение Божие! Человек уже не человек, а так – обрубок, но Господь всё же Ему же только ведомыми судьбами доводит его до покаяния.

МАТЕРИАЛЫ 1-й ПРАВОСЛАВНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ТИМОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ».

КОСТАНАЙ
3-4 ИЮНЯ 2022 г.

Редактор: *иеромонах Геннадий (Бурдюжа)*

Обложка: *К. Тё*

Фотографии: *Р. Акзамов*

Корректор: *А. Ковалёва*

.

Подписано в печать 10.08.2022
Формат 14х20,5
Уч. издат. листов 5,81
Тираж 100
Гарнитура *Times New Roman*
Заказ № 981

Отпечатано способом цифровой печати с
готовых файлов заказчика в ТОО «Костанайский печатный двор»
Адрес типографии: 110003, г. Костанай, ул. Темирбаева, д.39

ISBN 978-601-227-300-7

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

3-4 июня 2022 года, по благословению митрополита Астанайского и Казахстанского Александра, в Свято-Никольском храме города Костаная состоялась Православная международная научно-практическая конференция «Тимоновские чтения», в которой с докладами выступили сотрудники епархиального отдела по канонизации святых, историки, краеведы Казахстана, России, Кыргызстана, Узбекистана.